

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

К.Ф. ДЗАМИХОВ

**ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ:
«ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕРКЕССКОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ»**

Нальчик • 2014 г.

УДК – 94(=352.3).073
ББК – 63.3(=602.2)521.2
Д – 43

Печатается по решению Ученого совета
Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.Г. Муратова*
доктор исторических наук *А.Д. Панеш*

Дзамихов К.Ф. Из документальной истории Кавказской войны: «Декларация черкесской независимости». – Нальчик: Издательство КБИГИ РАН, 2014. – 64 с.

В публикации рассматриваются процессы активного противоборства Российской империи, Османской Турции и Англии за установление своего влияния в Черкесии во второй трети XIX века. «Черкесский вопрос» в этих условиях актуализировался и стал составным элементом восточного вопроса в международной политике. В работе осуществлена реконструкция событийной основы и исторического контекста появления на свет такого политического и дипломатического документа как «Декларация черкесской независимости». В приложениях даются: текст документа на английском языке; известные в исторической литературе и новые варианты перевода «Декларации».

ISBN 978–5–901497–78–4

© К.Ф. Дзамихов
© КБИГИ РАН, 2014

INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCHES
OF THE KBSC OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

K.F. DZAMIKHOV

**FROM THE DOCUMENTARY HISTORY
OF THE CAUCASIAN WAR: «DECLARATION
OF CIRCASSIANS INDEPENDENCE»**

Nalchick • 2014

UDK — 94(=352.3).073
BBK — 63.3(=602.2)521.2
D — 43

It is printed according to the solution of the Academic council
of FSBU of Institute of humanitarian researches KBSC of RAS

Readers:

doctor of historical sciences *E.G. Muratova*
doctor of historical sciences *A.D. Panesh*

Dzamikhov K.F. From the documentary history of the Caucasian War: «Declaration of Circassians Independence». – Nalchick: Publishing department of KBIHR RAS, 2014. – 64 p.

The publication examines the processes of active confrontation of the Russian Empire, the Ottoman Empire and Britain to establish their authority in Circassia in the second third of the XIX century. The «Circassian issue» in these circumstances became actualized as an integral part of the Eastern problem in international politics. The author has reconstructed the event framework and the historical context of the birth of the political and diplomatic document referred to as «Circassian Declaration of Independence». The appendices are: the text of the document in English; the already existing in historical literature and new translations of the «Declaration».

ISBN 978–5–901497–78–4

© K.F. Dzamikhov, 2014
© KBIHR RAS, 2014

**«ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕРКЕССКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ»:
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ**

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В российской исторической и правовой литературе расширение пределов Российской империи в XVIII–XIX вв. на юг традиционно рассматривается как исторически необходимое и геополитически закономерное явление. В зарубежной историографии (западно-европейской, турецкой и иранской) доказывается правомерность имперского расширения и стремление опереть свои границы на некие «естественные рубежи» Османской Турции, Ирана и даже Англии, которые имели, согласно их точки зрения, не меньше прав и оснований на включение Кавказа в сферу своего влияния.

В процессе активного раздела мира между европейскими державами многим народам отводилась роль пассивных объектов политики держав. Об их правах и интересах вспоминали лишь в случаях споров между самими ведущими державами. Зачастую и в современной историко-юридической литературе сохраняются старые подходы и стереотипы, позволяющие не принимать во внимание интересы всех сторон в конфликтах и войнах. Но с позиций историзма одной из задач научного анализа является выявление форм, в которых реализовалась историческая и политическая субъектность народов, вовлеченных в международные отношения своего времени. Применительно к адыгам Северо-Западного Кавказа частным случаем решения такой задачи выступает определение происхождения и политического содержания «Декларации черкесской независимости»,

опубликованной в лондонском издании «Портфолио» в январе 1836 года [26: 187–195].

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы рассмотреть исторический контекст, событийную канву появления, текстуальные характеристики «Декларации черкесской независимости» и на этой основе оценить ее политическое содержание. В наиболее известных работах отечественной историографии, которые затрагивают предмет нашего исследования (А.Х. Касумов, В.В. Дегоев, М.М. Блиев) «Декларация» характеризуется как фальшивка, созданная в недрах британского внешнеполитического ведомства [9: 108; 4: 653; 7: 19–69]. С другой стороны, в 1990–2000-е годы текст «Декларации» в различных, не всегда аутентичных переводах, получил широкое хождение в информационном пространстве. Но ни критики, ни апологеты «Декларации» не предпринимали исторического и источниковедческого анализа документа.

До сих пор были опубликованы варианты перевода текста Декларации с английского языка в работах В.А. Аталикова [28], Р. Трахо [23], У.Н. Бэрзэджа [6]. В.А. Аталиков не указывает использованный им английский источник, Р. Трахо и У.Н. Бэрзэдж дают ссылку на работу Э. Спенсера.

В настоящей публикации для анализа проблемы использовался перевод «Декларации», выполненный М.К. Шокуевой с оригинала и сверенный с другими вариантами перевода.

«Черкесский узел» Восточного вопроса

Вторая треть XIX в. представляет собой один из ключевых этапов развития так называемого Восточного вопроса. Главными составляющими международных противоречий по этому вопросу на данном этапе являлись проблема проливов и доступа из Черного моря в Средиземное, судьба владений Османской империи в Европе, а также статус восточного побережья Черного моря и прилегающего к нему Северо-Западного Кавказа с черкесским населением. Наиболее активную борьбу за историческую Черкесию, в рассматриваемый период вели между собой Российская и Османская империи. Уже в первой трети XIX века к этой борьбе подключились ведущие европейские державы, такие как Англия и Франция. Последние настойчиво и упорно

пытались воспрепятствовать утверждению царской России в регионе, считая его важным стратегическим плацдармом на подступах к Индии, Ирану и Ближнему Востоку.

По Адрианопольскому договору 1829 г. Турция признала, что «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно, пребудут в вечном владении Российской империи» [8: 74]. Позднее, по Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г., Османская империя обязалась в случае войны закрыть Дарданеллы для военных кораблей иностранных держав. Русские военные корабли получали право свободного прохода через проливы [8: 89–92; 13: 206; 14: 398; 10: 132].

Российские правящие круги после заключения названных договоров считали, что обрели международно-правовое основание для установления своего суверенитета над Черкесией. Но в действительности оно послужило началом актуализации черкесского вопроса. Черкесские этнополитические образования не желали признавать над собой власти российского императора и вступили на путь вооруженного сопротивления. В сложившейся политической ситуации Англия оспаривала правомерность условий Адрианопольского договора и открыто настаивала на независимости Черкесии; Турция негласно поощряла черкесское сопротивление.

27 августа 1833 г. английский посол Д. Понсонби вручает Османской Порте ноту протеста, в которой указывалось, что европейские державы не могут согласиться с пунктами Ункяр-Искелесийского договора и Англия считает этот договор недействительным. Аналогичное заявление сделал Порте французский посол Руссен. 28 августа 1833 г. послы Англии и Франции с протестами обратились и к царскому правительству [3: 245–246; 7: 45].

Черкесский вопрос в этих условиях становится одним из элементов восточного вопроса в международной политике второй трети XIX в. При этом он, как ранее и «кабардинский вопрос» не имел общечеркесского масштаба. Его объем определялся не этническими, а геополитическими факторами, а динамика зависела от соотношения сил держав и эффективности черкесского сопротивления [5: 10–11]. В международно-политическом плане черкесский вопрос будет снят с повестки дня на Парижском конгрессе 1856 г., а окончательно в 1864 г., когда царская Россия военной силой утвердила свое господство в Черкесии.

С 30-х годов XIX в. царская Россия приступила к практическому завоеванию Черкесии. Николай I, поздравляя главнокомандующего Кавказской армией фельдмаршала И. Паскевича с окончанием русско-турецкой войны, писал ему: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же главное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» [1: 389; 25: 229].

С начала активного продвижения Российской империи на восток правящие круги Великобритании выработали курс на противодействие ему, в том числе с использованием освободительного движения горцев. Этот план был четко сформулирован в работах полковника Де Ласи Эванса, был взят на вооружение Форин-офисом, главным внешнеполитическим ведомством [3: 214; 7: 37–38]. Его руководитель лорд Г.Д. Пальмерстон считал необходимым, чтобы «... Крым, Черкесию и Грузию отторгнуть от России; Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [20: 95; 3: 214].

Еще в 1833 г. Понсонби, прибыв в Турцию в ранге посла, «оставил особое теоретическое обоснование о положении Кавказа», где говорилось: «Кавказцы сделали бы самое лучшее, если бы прокламировали независимость» и что «Англия должна была признать независимость Черкесии» [9: 107; 3: 254]. Понсонби обращал внимание на особое место Черкесии в деле «сохранения политического равновесия в Европе» и что «черкесский вопрос потребует от нас величайших усилий, и это будет очень трудно» [16: 112]. В сентябре 1834 г. Понсонби призывает английское правительство поддержать горцев для решения не только кавказского, но и всего восточного вопроса. Если Англия, предупреждал посол, позволит Кавказу разделить судьбу Польши, тогда мощь России усилится «еще 6 миллионами населения и неприступной страной», нарушится равновесие сил в Европе, сократится британская торговля, нависнет угроза над Турцией, Ираном и Индией. Понсонби убеждал руководителя Форин-офиса Пальмерстона, что «Кавказ с его горными преградами и воинственными жителями надежды которых обращены к Англии, является важнейшим регионом». В октябре 1834 г. посол пишет об «удручающих известиях из Кабарды», о «мольбе черкесов о помощи», о «значительных русских силах, действующ-

щих из Анапы, о намерении России «полностью покорить Кавказ в этом году». Приобретение Кавказа, по его мнению, даст Петербургу больше, чем в свое время присоединение Польши [7: 55–56]. В августе 1835 г. он в очередной раз просит Пальмерстона предпринять что-либо конкретное против введенных Россией в 1831 г. на восточном побережье Черного моря таможенно-карантинных ограничений, которые в его глазах есть «блокада». «Британская торговля сильно страдает от них», – подчеркивал Понсонби [7: 55–56].

Черкесское сопротивление и Дэвид Уркарт

Черкесы Западного Кавказа отказались признать Адрианопольский договор и начиная с ноября 1830 г. народные собрания натухайцев, шапсугов, абадзехов и убыхов приняли решение противостоять завоеванию всеми возможными средствами. В Стамбул была отправлена специальная черкесская делегация во главе с натухайским аристократом Сефер-беем Заноко, которая должна добиться отмены незаконной передачи Черкесии России. С этого времени черкесские лидеры проводят работу по формированию международного общественного мнения вокруг «черкесского вопроса», обращаются за помощью к ведущим европейским державам, прежде всего к Англии. Практически вся внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Черкесии велась через Сефер-бея Заноко, который «имел у себя письменно род полномочий, скрепленный печатями около 200 горских (черкесских – К.Д.) узденей и начальников» [24: 101].

С другой стороны одним из самых активных проводников английской политики на Западном Кавказе явился известный публицист и дипломат Дэвид Уркарт. После заключения Ункяр-Искелесийского договора он вышел с предложением плана экономического и политического обследования Балкан, Турции, Кавказа и Средней Азии на министерство иностранных дел [7: 52]. Внешнеполитические обстоятельства сложились таким образом, что Д. Уркарту надолго пришлось сосредоточиться на Черкесии, которую он обозначал как район первостепенного военно-стратегического значения и богатейших ресурсов. Оказавшись в Стамбуле Уркарт устанавливает связь с черкесскими эмигрантами, лично знакомится с Сефер-беем Заноко, пред-

ставлявшим официально Черкесию [24: 100–102]. В июле 1834 г. с согласия английского посла в Османской Турции Понсонби, с рекомендательным письмом Сефер-бея, вместе с капитаном Лайонсом, он отправился в Черкесию. На военном корабле «Туркуаз» они прибыли в район Сухум-кале и имели ряд встреч с черкесами [1: 896; 22]. Уркарт вел переговоры от имени английского короля, который, по его словам, готов оказать помощь, а сам призывает их к дальнейшей борьбе против России. В этой поездке Уркарт и капитан Лайонс занимались активно военно-политической разведкой Черноморского побережья, интересуясь особенно Геленджиком и Анапой (их гарнизонами, фортификационными сооружениями, условиями навигации, а также взаимоотношениями черкесов с русскими) [24: 48–49]. В ауле Астагай (недалеко от Анапы – К.Д.) англичане имели встречу со 150 знатными натухайцами. Ими передано послание от Сефер-бея Заноко, который по словам англичан, пользуется доверием и поддержкой английского правительства [24: 49].

В исторической литературе указанные факты со ссылкой на приведенный документ связывают с «Декларацией Черкесской Независимости». А.Х. Бижев считал, что в ауле Астагай, упомянутый в документе мулла Хаджиок от имени представителей натухайской знати «передает через англичан «Декларацию независимости» [3: 261]. Другой автор М.М. Блиев, ссылаясь на приведенный документ, делает необоснованное умозрительное заключение: «Бумага», которую читал мулла Хаджиок, представляла собой более важный документ, и этим, несомненно объяснялось то, что о ней были осведомлены только «дворяне», скрывавшие ее «от других». В связи с секретной «бумагой», «развеселившей муллу Хаджиока, стоит предположить, что английский капитан Лайонс привез Черкесам текст документа, известного как «Декларация независимости Черкесии»? [4: 653].

Внимательное прочтение источников не позволяет в полной мере принять эти интерпретации, тем более, что они противоречат друг другу. Детали указанных событий устанавливаются по документу «Вторичное показание черкеса Киракоку-Гасан-Мамыр о сношении английских агентов с горцами» от 8 августа 1834 г. в Суджук-Кале (Цемезе). В нем говорится: «Англичане вручили дворянам какую-то бумагу (не письмо), которую мулла Хаджиок прочитал им и они развеселились, но о чем написано, того другие черкесы не знают. Тем же муллой на оную бумагу написан ответ и

отдан двум англичанам, которые после того ездили в аул Астагай; их провожали дворяне из Цемеза: Басток-Пшимаф, Чириок-Сагамыш, Шириохок, Шабеадде и мулла Хаджиюк» [24: 50].

Этот источник не поддается однозначной интерпретации ни в том плане, что англичане передали черкесам готовый текст «Декларации» по М.М. Блиеву, ни в том смысле, что мулла Хаджиюк тут же на месте составил ее текст по А.Х. Бижеву. Безусловным можно считать, что в деле участвовало, так или иначе, послание от Сефер-бея Заноко.

Необходимо учитывать, что в это же время в черкесском обществе развертывалось своеобразное движение, связанное с принятием клятвенного обязательства не прекращать борьбу с завоевателем и сохранять единство в этой борьбе («национальный обет»). Допустимо предположить, что рассматриваемый сюжет относится к тексту «национального обета», который был выработан англичанами (посол Понсонби, Уркарт, Лайонс) при непосредственном участии Сефер-бея и других черкесских лидеров и предложен старшинам и дворянам в Астагае. Существенно другое. По своему содержанию «национальный обет» принципиально соответствует тексту «Декларации» [1: 895; 21]. С этой точки зрения важно отметить свидетельство Д.А. Лонгворта о том, что движение за «национальный обет» развивалось в черкесском обществе задолго до описываемых событий, и получило новый импульс, благодаря активности Д. Уркарта [12: 467–469]. С другой стороны, многочисленные документы русского военного командования свидетельствуют о первостепенной роли Сефер-бея в выработке «национального обета» или присяги. В частности, на это указывают рапорт генерал-лейтенанта Малиновского генерал-лейтенанту Вельяминову о подстрекательстве горцев против России со стороны Турции (от 18 марта 1835 г.) и «Воззвание Сафа-Бей Занова к Абазинским жителям, эфендиям, гаджиям и черному народу» от 29 апреля 1835 г. [24: 52–53].

Визит Д. Уркарта на восточное побережье Черного моря открыл целую программу мероприятий английского внешнеполитического ведомства и заинтересованных торгово-промышленных кругов в утверждении своего влияния в регионе. В сентябре 1834 г. английский посол обращается к Д. Уркарту с просьбой написать воспоминания о пребывании в Черкесии: «Я считаю важным, чтобы правительство могло без какого-либо промедления располагать исчерпывающими сведениями о политическом

положении черкесских народностей... Если мы не позаботимся о них, Россия овладеет Кавказом и это даст ей власть над Турцией и Персией» [7: 55–56].

Очевидно, что пребывание Уркарта в Черкесии, его тесное общение с вождями черкесского сопротивления были важными источниками для формирования английской политики в регионе. Таким образом и дух и основные положения «Декларации черкесской независимости» не могут быть оторваны от черкесской почвы и целиком отнесены к «проискам англичан».

«Декларация черкесской независимости»: происхождение

Фазой наибольшей активности английской политики на Северо-Западном Кавказе является 1835–1837 гг. Она отмечена тесным сотрудничеством британского посольства в Турции с Сефер-беом Заноко и представителями черкесской элиты. Эти два года вмещают в себя серию акций, организованных английскими сотрудниками и частными лицами в Черкесии: а) по доставке боеприпасов и вооружения на черноморское побережье; б) активное участие в политических мероприятиях (съездах и собраниях на Адагуме, Варданэ) черкесов и их легитимации в Европе; в) попытках англичан с помощью военного конфликта (дело «Виксена») оспорить права России на Черкесию в свете 4-ой статьи Адрианопольского мира и положений Ункяр-Искелесийского договора. То есть, это период открытого политико-дипломатического противостояния Англии с Россией [24: 52–179].

Английское посольство в Турции в лице Понсонби и Уркарта стремятся убедить Пальмерстона в необходимости оказания реальной помощи Черкесии. В январе 1836 г. посол писал: «Одного лишь появления британского флага в Черном море было бы достаточно... для спасения Черкесии от когтей России» [11: 190; 7: 57]. По степени важности Понсонби ставил черкесский вопрос рядом с проблемой защиты Константинополя, веря, что он будет решен в пользу Англии. Он писал лорду Пальмерстону в 1837 г.: «Никто из людей не оценивает так высоко значение Черкесии для сохранения политического равновесия в Европе, как я». С другой стороны, они неоднократно советуют черкесской конфедерации образовать у себя Правительство и официально

провозгласить независимость, чтобы дать Англии повод открыто стать на сторону их также, как она поступила в отношении испанских колоний в Южной Америке.

В этом плане большой интерес представляет письмо Давида Уркарта к Черкесам, датируемое 1835 г. Впервые оно было опубликовано в 1935 г. в белоэмигрантском журнале Жантеком Хавжоко, но до сих пор оставалось вне поля зрения специалистов-историков [27]. Он пишет: «Вы долго слышали об Англии. За последнее время вы много думали об Англии. Теперь вы получите письмо из Англии; пусть оно дойдет до каждой провинции – пусть муллы, беи и старейшие соберут народ, прочтут и объяснят содержание, и, таким образом, вы будете удовлетворены, читая вместе одни и те самые слова от Черного моря до Каспийского и слыша себя названным одним общим именем – черкесы». Далее он предупреждает черкесов, чтобы они не заблуждались насчет возможной помощи от Англии: «Англия не воюет с Россией и поэтому не может поддерживать никаких военных действий, направленных против России». Уркарт свидетельствует, что черкесы не принадлежат России, а официальные российские круги пытаются убедить другие страны, в первую очередь, Англию в обратном. «Когда Англия узнает, что вы не являетесь подданными России, и когда она поймет, что Россия посылает войска против вас (бесправно), она спросит русского императора: « Кто ты такой, чтобы объявлять войну и заключать мирные договоры без ведома и согласия великих держав Европы?». «И когда Англия узнает о том, что Россия (несмотря на предупреждение) начинает войну с нами, не беспокоя ее (Россию), Англия спросит себя: « Почему Россия расходует так много крови и средств? Это не может быть направлено только против Черкесии; надо полагать, что она намеревается покорить страны, лежащие за Кавказом – как Персию и Турцию. Мы не должны позволить получить ей Черкесию». Далее Уркарт советует и предлагает черкесам программу первоочередных действий: «Но эти ожидания не могут быть реализованы до тех пор, пока вы не провозгласите при помощи публичного акта факт, который до сего времени был скрытый перед Европой; вашу независимость, и пока вы не имеете для регулирования ваших домашних дел и для объединения ваших сил общего правительства и не представитесь Европе в том виде, который соответствует вашим рыцарским действиям, и этим не дадите возможность вашим друзьям

в Европе признаться в дружбе с вами». Данное письмо содержательно дополняет приведенные выше документы и позволяет сформулировать ключевые моменты политической доктрины этого незаурядного публициста и общественного деятеля: 1) Он указывает на экспансионизм российской империи, которая продвигается и если она завоюет Черкесию и Кавказ, за этим последуют Константинополь, проливы, а дальше Индия и весь Восток; надо остановить ее продвижение. 2) Уркарт обозначает геополитическую линию британских интересов от Турции и Кавказа до Индии и Афганистана. 3) Он четко подчеркивает, что на этой линии есть народы, которые активно борются против России, защищают свою свободу (например, Черкесия) и что английскому правительству надо реально помогать черкесам. Таким образом, с одной стороны Д. Уркарт старался объяснить правящим кругам Англии складывающуюся геополитическую раскладку и вложить в их головы выгодный план действий. С другой стороны, обращаясь к черкесам, он их просвещает, знакомит с европейской системой международных отношений, указывает на место Черкесии в геополитическом противостоянии Англии и России, обращает их внимание на важность консолидации и учреждения правящего органа, с которым могут иметь дело правители Европы и Турции.

Как представляется, именно тесное взаимодействие Д. Понсонби, Д. Уркарта, Сефер-бея Заноко и представителей черкесской элиты привели к появлению такого важнейшего политического и дипломатического документа как «Декларация черкесской независимости, адресованная государствам Европы». Он был опубликован в т. 1, № 4 за 1836 г. в известном английском периодическом издании «Портфолио», близком к Форин-офису, т.е. министерству иностранных дел [26: 187–195]. Оригинал данного документа не сохранился, скорее всего первоначально он был составлен на турецком или арабском языке. Но в черкесской среде были люди, которые изначально могли способствовать выработке документа и на английском языке. В этом плане показательна фигура Андрея Гая, работавшего и на английскую, впоследствии и на русскую разведки. «Андрей Хай из рода Жаббермесовых – черкес из карачаевцев, обитающих около Кабарды, лет 30-ти слишком от роду, принадлежит к протестантскому исповеданию, объясняется свободно на языках: русском, немецком, английском и греческом, говорит и пишет по турецки» [24:

102–103]. С 1829 г. он являлся помощником Уркарта и последний через него имел постоянную связь с Сефер-бей Заноко и представителями черкесской знати.

«Декларация черкесской независимости»: анализ текста

Источниковедческий и содержательный анализ документа позволяет, на наш взгляд, считать, что в выработке документа принимали непосредственное участие представители черкесского сообщества, и что многие выражения «Декларации» носят следы адыгского языка и его фразеологии.

Наверное к влиянию Д. Уркарта можно отнести название документа – «Декларация черкесской независимости». Сразу на ум приходит «Декларация независимости США». Да, в «Декларации» содержатся ключевые положения, отражающие английские интересы, направленные против непосредственных участников Адрианопольского и Ункяр-Искелесийского договоров. Но они неоднократно озвучивались и лидерами черкесов. В «Декларации» об этом заявляется следующим образом: «Жители Кавказа не только не являются подданными России, но даже не находятся с ней в мирных отношениях и на протяжении многих лет ведут с ней непрерывную войну. Эту войну они ведут собственными силами. Ни от одной из держав они никогда не получали какой-либо поддержки или помощи». Еще во второй половине 1820-х гг., т.е. до включения адыгских территорий Западного Кавказа в сферу влияния России по условиям Адрианопольского договора, лидеры черкесов неоднократно заявляли комендантам османских крепостей на Черном море, что не признают их власти и что никто не имеет права «почитать их завоеванными» [18: 58]. Далее в «Декларации» говорится: «Несмотря на то, что Порта главенствовала в этих провинциях (речь идет о нескольких турецких крепостях на Черноморском побережье – К.Д.), они (т.е. черкесы – К.Д.) были предоставлены сами себе в защите своих интересов, а позже Порта окончательно предала и покинула их».

После заключения Адрианопольского договора, русские военные власти пытались убедить лидеров шапсугов, в необходимости подчинения, ссылаясь, что они уступлены султаном российскому императору. В ответе шапсутских старшин говорилось, что «... турецкое правительство никогда не завоевывало

нашей страны оружием и никогда не покупало ее своими сокровищами. Мы были от него независимы. Каким же образом султан мог уступить то, что никогда ему не принадлежало. На это он не имел ни права, ни власти» [17: 24–25]. В 1838 г. черкесы, обращаясь к русским военным властям, вновь говорят о своей независимости от кого бы то ни было: «Вы говорите, что по Адрианопольскому миру земля наша вам отдана; но это несправедливо; мы с незапамятных времен ни чьими рабами не были...» [1: Т. 9. С. 395, 455].

В «Декларации» имеются положения о системе международных отношений и раскладке сил в Европе и кавказском регионе: «Мы знаем, что Россия не единственная держава в мире. Мы знаем, что есть державы могущественнее России, которые несмотря на свое могущество, благосклонны к другим. Они наставляют неведущих, защищают слабых, они не являются друзьями России, а скорее являются ее врагами, и они не враги Султану, а его друзья. Мы знаем, что Англия и Франция имеют первенство среди государств мира и, что они были великими и могущественными еще тогда, когда русские приплывали в маленьких лодочках и просили у нас разрешения рыбачить в Азовском море». Можно привести и другие пункты «Декларации», которые часто повторяются во многих последующих официальных документах, исходящих от черкесов: «... для нас было унижительным узнать, что на всех картах, публикуемых в Европе, наша земля обозначена как часть России; что должны были быть подписаны договора между Россией и Турцией, о которых мы ничего не знали... что Россия заявляет Западу, что черкесы ее рабы или отъявленные бандиты и дикари, которых не может смягчить никакое доброе отношение и которых не может обуздать никакой закон». Далее: «Призывая в свидетели небеса, мы выражаем официальный протест против таких «женских» ухищрений и лжи. Мы отвечаем словами на слова, и эти слова являются правдой против лжи». Приведенное положение является ярким отражением адыгского образного восприятия мира. Таковой является и следующая формула: «эти чернила, как и пролитая нами кровь, свидетельствуют о нашей независимости; эти слова – доказательства людей, которые никогда не знали ничего выше решения, принятого своей страной, людей, не принимающих хитроумных доводов, но знающие, как применить свое оружие». Интересно сравнить приведенные пункты с выдержкой из послания черкесов (до-

кумент подписан 1250 вождями и старшинами всех провинций Черкесии) английскому правительству после очередного съезда представителей шапсугов и натухайцев на р. Адагум летом 1838 г.: «Никогда с момента зарождения Оттоманского государства оно нас не завоевывало мечом, никогда не помогало нам в наших раздорах, никогда мы не платили ей никакой дани и что, наоборот, Порта брала наших детей и продавала их как рабов на своих базарах. Если это так, то каким же образом Великая Порта могла нас отдать России?» «Если она имеет такую дружбу к России, – продолжали авторы письма, – то она могла бы ей уступить какую-нибудь из стран, находящихся под ее властью, но она не имела ни власти, ни права отдать нашу» [19: 120].

Можно и дальше сравнивать политические документы разных лет, исходящие от черкесского сообщества (абадзехов, шапсугов, натухайцев и убыхов) и адресованные правителям России, Турции, Франции и Англии. Действительно в «Декларации» имеются формулировки, близкие к известным положениям Д. Понсонби, Д. Уркарта, Д. Белла, Д. Лонгворта и других британских деятелей об интересах Англии и взаимосвязи ситуации в Черкесии, странах Востока и Индии: «... в интересах всех оказать поддержку черкесам. Сотни тысяч московитских войск, задействованных в борьбе с нами (имеется в виду черкесами – К.Д.), слежке за нами и блокаде нас, впоследствии будут воевать с вами. Те сотни тысяч человек, что рассеяны сейчас по нашим бесплодным крутым скалам и ведут борьбу с нашими отважными горцами, завтра придут на ваши богатые равнины и поработят вас и ваших подданных. Наши горы являются бастионом для Персии и Турции. Без поддержки они станут воротами к обоим государствам, так как сейчас это единственное прикрытие для них».

В «Декларации» есть место, обосновывающее кровнородственную связь турецкого султана с черкесами и о почитании его как верховного лица мусульманской веры. Говоря о народах Северного Кавказа, население которого около 4 миллионов, с горечью отмечается, что «к несчастью мы разделены на множество племен, языков и вер; у нас разные обычаи, традиции, интересы, союзы и раздоры. У нас также никогда не было единой цели, но мы имели разновидность правительства и обыкновение подчинения и господства...».

Таким образом, в «Декларации» не содержатся положения, которые не озвучивались бы неоднократно черкесским со-

обществом и их лидерами. Поэтому, можно говорить, на наш взгляд, не об авторстве, а об участии английских дипломатов и общественных деятелей в создании «Декларации». Публикуя ее в «Портфолио» Д. Уркарт и стоящие за ним Д. Понсонби и Г. Пальмерстон рассчитывали на политико-дипломатический эффект и рассматривали ее как средство давления на Россию и Турцию.

Вместе с тем, говоря о содержательной части «Декларации» и сравнивая ее с аналогичными документами, созданными европейцами (в данном случае англичанами) в конце XVIII – первой трети XIX в. необходимо обратить внимание на следующее. Во-первых, в европейских политико-дипломатических документах эпохи практически ощущаются совершенно ясно прагматически сформулированные идеи Просвещения; зачастую это светские, демократические, республиканские, рациональные принципы, имеющие своим основанием, например, общественный договор Локка, английскую приверженность букве закона, теорию Монтескье или понятие всеобщей воли Руссо. Такого влияния мы не находим в «Декларации». Во-вторых, если допустить, что с самого начала и до конца только определенная группа английских деятелей и интеллектуалов-публицистов имеют отношение к созданию «Декларации черкесской независимости», то вряд ли они обошлись бы без опоры и ссылок на Декларацию Прав Человека и Гражданина, которая развивала конструкты, содержащиеся в английском Билле о правах от 1689 г., а так же основополагающих документов, утверждающих независимость США. В-третьих, невозможно говорить о влиянии на содержание текста «Декларации» (если ее авторами были только англичане) идей английского политического либерализма, в которых важное место занимают власть закона, гражданские и личные свободы, конституционные процедуры, веротерпимость и универсальные права Человека.

ВЫВОДЫ

«Декларация черкесской независимости» как документ определенной эпохи в полной мере выражает один из ее аспектов – борьбу черкесов за независимость с использованием не только военных, но и политических средств. С этой точки зрения «Декларация» никак не может являться некоей «политической фальшивкой». Она лишь свидетельствует о сложном международном контексте черкесского сопротивления.

Появление «Декларации» невозможно оторвать от событийной канвы середины 1830-х годов, которая включала в себя интенсивный диалог носителей британских (Д. Уркарт) и черкесских (Сефер-бей Заноко и другие представители черкесской элиты) политических интересов. В этом диалоге вырабатывались положения и формулировки, вошедшие в текст «Декларации».

Принципиальное содержание «Декларации» практически полностью соответствует политическому смыслу многочисленных документов, прямо исходивших от черкесов или прямо свидетельствовавших об их политических представлениях и целях. Такие документы появлялись до публикации «Декларации» и после нее. Все они идентичны по общей направленности – утверждение о независимом статусе Черкесии, стремление к единству, потребность в международной поддержке.

Текст «Декларации» известен только на английском языке. Он безусловно несет в себе характерные признаки британской политической риторики. Но эти признаки присутствовали бы в нем даже если бы он представлял собой прямой перевод с адыгского языка. С другой стороны, по наблюдениям лингвистов, в английском тексте «Декларации» присутствуют явные стилистические и фразеологические признаки, словно калькированные с адыгского.

Таким образом, «Декларацию черкесской независимости» необходимо рассматривать как публичный политический акт, посредством которого черкесское сообщество обратилось к ведущим европейским державам с просьбой о поддержке их освободительной борьбы. Безусловно, основные положения «Декларации» были выработаны черкесскими политическими деятелями, но они испытывали влияние, со стороны английских дипломатов и заинтересованных представителей английских политических кругов, которые скорее всего участвовали в редактировании, а затем опубликовали «Декларацию черкесской независимости».

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1881. Т. 8.
2. *Аталиков В.А.* Декларация Независимости Черкесии // Живая старина. № 2.
3. *Бижев А.Х.* Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп.: «Меоты», 1994. 328 с.
4. *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
5. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Научные доклады центра социально-политических исследований КБНЦ РАН. Нальчик.: Изд-во КБНЦ РАН, 2012. № 1. 60 с.
6. *Бэрэдж У.Н.* Изгнание черкесов. Причины и последствия. Нальчик.: «Тетраграф», 2012. 285 с.
7. *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
8. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. СПб, 1869.
9. *Касумов А.Х.* Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XX века. Ростов-на-Дону.: Издательство Ростовского университета, 1989. 192 с.
10. *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд.-во Моск. Ун-та, 1984. 328 с.
11. Красный архив. 1940. № 5.
12. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов. Нальчик.: «Эль-Фа», 2002. 541 с.

13. *Маркова О.П.* Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX в. и движение мюридизма // Исторические записки. М., 1953. Т. 42.

14. *Маркс К.* Лорд Пальмерстон. Статья пятая // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1957. Т. 9.

15. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1957. Т. 9; М., 1958. Т. 11.

16. *Мартенс Ф.Ф.* Император Николай и королева Виктория // Вестник Европы. 1896. Т. VI.

17. Народы Западного Кавказа (по неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова) // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. 30.

18. *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 230 с.

19. *Половинкина Т.В.* Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999. 196 с.

20. *Рахматуллин М.А.* Войны России в Крымской кампании // Вопросы истории. 1972. № 8.

21. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6321. Л. 130–130 об.

22. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 14. Л. 1–15.

23. *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик, 1992. 159 с.

24. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.Б. Цагарайшвили. Тбилиси, 1953.

25. *Щербатов князь.* Генерал-фельдмаршал граф Паскевич Эриванский. СПб., 1894. Т. 2.

26. Declaration of Circassian Independence, addressed to the Courts of Europe // The Portfolio, Or a Collection of State Papers, Illustrative of the History of Our Times. Vol. I. London: James Ridgway and Sons, Piccadilly. 1836. 519 pp.

27. Письмо Давида Уркхарта к черкесам. Жанбек Хавжоко. Журнал «Северный Кавказ». 1935 г. № 10 // Историко-культурологический онлайн журнал «PROMETHEUS» «№ 15 URL: <http://ru.scribd.com/doc/50989765/>

28. *Аталиков В.М.* Декларация независимости Черкесии // Живая старина. 1992. № 2. С. 20–23.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

THE PORTFOLIO;

OR A

Collection

OF

STATE PAPERS,

ETC. ETC.

ILLUSTRATIVE OF THE

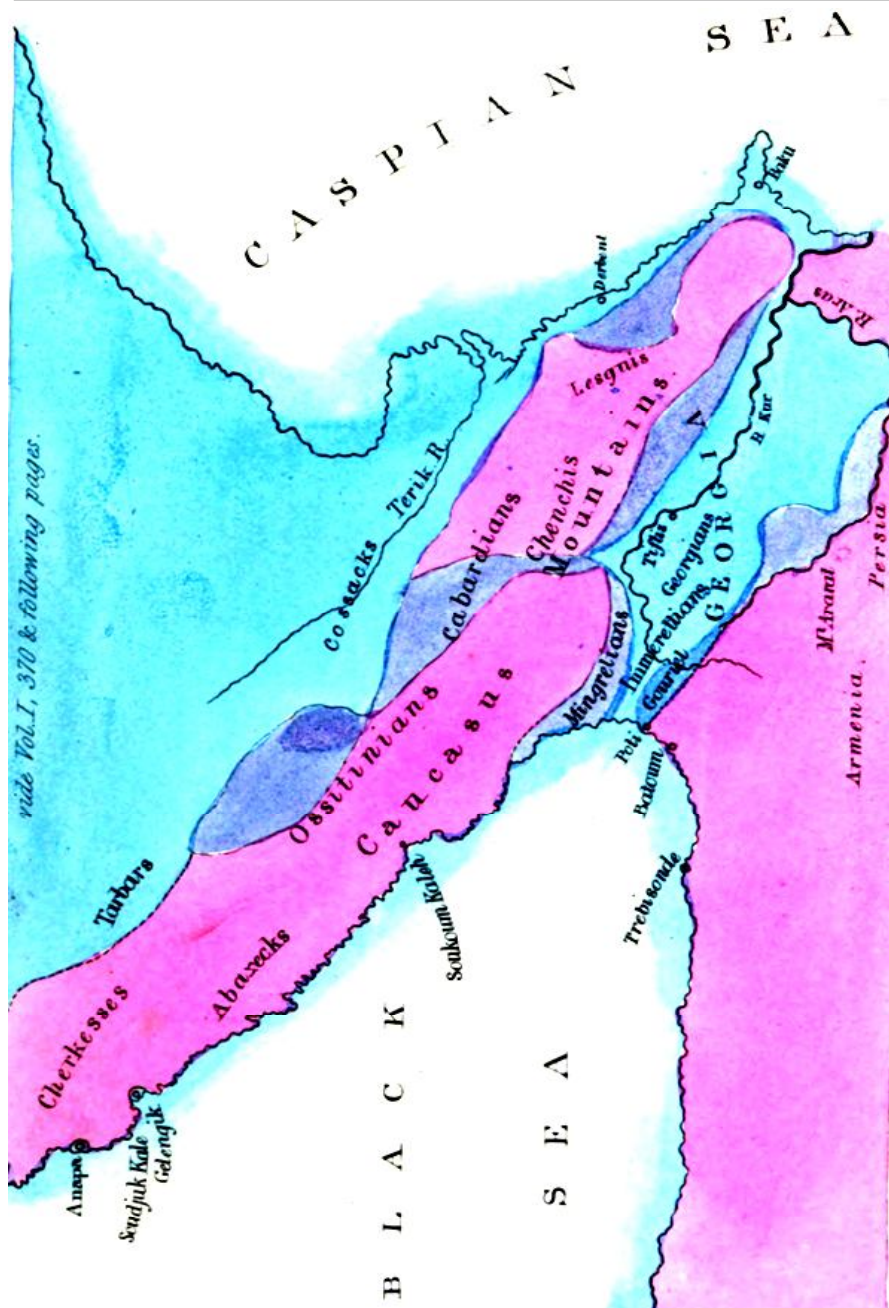
HISTORY OF OUR TIMES.

ΔΕΥΤΗ.

VOL. I.

LONDON:
JAMES RIDGWAY AND SONS, PICCADILLY.

MDCCLXXXVI.

DECLARATION OF CIRCASSIAN INDEPENDENCE,
ADDRESSED TO THE COURTS OF EUROPE.

THE inhabitants of the Caucasus, instead of being subject to Russia, are not even at peace with her, but have for many years been engaged in continual war. This war they have maintained single-handed. They have received at no period encouragement or assistance from any Power. While the Porte held the supremacy of these Provinces they were left for their means of defence to themselves, but lately the Porte has in every way betrayed and abandoned them. One Pasha opened the gates of Anapa to Muscovite gold, telling the Circassians that the Russians marched as friends to support the Sultan against the Rebel Chiefs of Arminestan. Another Pasha again betrayed them, and left their country by night. Since then the Circassians have sent repeated deputations to the Sultan, to offer their devotion, to request assistance: they have, however, been

treated with coldness. They have also applied to Persia with no better success, and finally to Mehemet Ali, who, although appreciating their devotion, was too far off then to support them.

In all these cases the deputies of Circassia had been instructed to tell to those who, being at a distance, did not know, how intolerable was the oppression of Russia, how hostile she was to the customs, the faith and happiness of all men (or why should the Circassians have fought so long against her), how treacherous were her generals, and how savage her soldiers, — that therefore it was the interest of no one that the Circassians should be destroyed. On the contrary, that it was the interest of all the Circassians should be supported. A hundred thousand Muscovite troops occupied now in fighting with us, or in watching and blockading us, will then be fighting with you. A hundred thousand men now scattered over our barren and steep rocks, and struggling with our hardy mountaineers, will then be overrunning your rich plains, and enslaving your Rayas and yourselves. Our mountains have been the ramparts of Persia and Turkey, they will become, unless supported, the gate to both—they

CIRCIASSIAN INDEPENDENCE.

189

are now the only shelter for both. They are the doors of the house, by closing which alone the hearth can be defended. But, moreover, our blood, Circassian blood, fills the veins of the Sultan. His mother, his harem, is Circassian. His slaves are Circassians. His ministers and his generals are Circassian. He is the chief of our faith, and also of our race; he possesses our hearts, and we offer him our allegiance;—by all these ties we claim from him countenance and support, and if he will not, or cannot defend his children and his subjects, let him think of the Khans of the Crimea, whose descendant is among us.

Such were the words our deputies were instructed to pronounce, but they were unheeded. They would not have been so, if the Sultan knew how many hearts and swords he can command, when he ceases to be the friend of the Muscovite.

We know that Russia is not the only power in the world. We know that there are other powers greater than Russia, who, though powerful are benevolent, who instruct the ignorant, who protect the weak, who are not friends to the Russians, but rather their enemies, and who are not enemies of the Sultan, but his friends. We know that

England and France are the first among the nations of the globe, and were great and powerful when the Russians came in little boats, and got from us permission to catch fish in the sea of Azof.

We thought that England and France would take no interest in a simple and poor people like us, but we did not doubt that such wise nations knew that we were not Russians, and though we know little, and have no artillery, generals, discipline, ships, or riches — that we are an honest people, and peaceable when let alone, but that we hate the Russians with good cause, and almost always beat them. It is, therefore, with the profoundest humiliation that we have learnt that our country is marked, on all the maps printed in Europe, as a portion of Russia; that Treaties, of which we know nothing, should have been signed between Russia and Turkey, pretending to hand over to the Russians these warriors that make Russia tremble, and these mountains where her footsteps have never come; that Russia tells in the West that the Circassians are her slaves, or wild bandits and savages whom no kindness can soften, and no laws can restrain.

CIRCASSIAN INDEPENDENCE.

191

We most solemnly protest in the face of heaven against such womanish arts and falsehood. We answer words with words, but it is truth against falsehood: for forty years we have protested triumphantly against accusations with our arms; this ink, as the blood we have spilt, declares our independence; and these are the seals of men who have known no superior save the decision of their country—men who understand no subtle arguments—but who know how to use their weapons when the Russians come within their reach.

Who has power to give us away? Our allegiance is offered to the Sultan, but if he is at peace with Russia he cannot accept it, for Circassia is at war. Our allegiance is a free offering, he cannot sell it, because he has not bought it.

Let not a great nation, like England, to whom our eyes are turned, and our hands are raised, think of us at all if it be to do us injustice. Let her not open her ear to the wiles of the Russian, while she closes it to the prayer of the Circassian. Let her judge by facts between the people that is called savage and barbarous, and its calumniator.

We are Four Millions, but we have unfortunately

192

DECLARATION OF

been divided into many tribes, languages, and creeds; we have various customs, traditions, interests, alliances, and feuds. We have hitherto never had one purpose, but we have modes of government, and habits of submission and command. The chief chosen by each body during war is implicitly obeyed, and our princes and our elders govern according to the custom of each place with greater authority than in the great states around us; but from our wanting a common chief amongst ourselves, we who have ruled throughout the east have chosen always a foreign leader. We have thus voluntarily submitted to the dominion of the Khans of the Crimea, and afterwards to the Sultans of Constantinople.

Russia has attempted, whenever she had overpowered any portion of our territory, and in some she has succeeded, to reduce us to the condition of serfs, to enrol us in her armies, to make us spend our sweat and our blood to enrich her; to fight her battles, and to enslave to her others, even our own countrymen and co-religionaries. Hatred has, therefore, grown up between us, and bloodshed is unceasing, otherwise we might long ago have submitted to a Muscovite chief.

CIRCASSIAN INDEPENDENCE.

193

It would be a long and sad story to relate the acts of her cruelty, her faith violated, her promises broken; how she has encircled our country on every side; cut us off from the necessaries of life; how she has intercepted our commerce; how she has caused to fall under the knife of the hired assassin the last remnants of our ancient houses, and left us without chiefs to obey; how she has exterminated whole tribes and villages; how she has bought the treacherous agents of the Porte; how she has reduced us to poverty, and driven us into hatred and exasperation against all the world, by the horrors she committed—while by her falsehoods she degraded us in the eyes of the Christian nations of Europe.

We have lost the stocks that formerly could have collected hundreds of thousands of men under their banners—but we are now at last united all as one man in hatred to Russia—200,000 alone of our people have been subjected by her during this long contest, of the remainder not one has voluntarily served Russia. Many children have been stolen, and sons of nobles taken as hostages; but such as could recollect a country, have made their escape.

We have amongst us men who have been favoured and flattered and honoured by the Emperor, and who have preferred to that favour the dangers of their country. We have amongst us thousands of Russians, who prefer our barbarism to the civilization of their country. Russia has built forts on points of our territory, but they dare not venture beyond the reach of their guns—50,000 Russians have lately made an inroad, and they have been beaten.

It is by arms, not by words, that a country can be conquered. If Russia conquers us, it will not be by arms, but by cutting off our communications, and making use of Turkey and Persia as if they were already hers; by rendering the sea impassable, as if it were her own; by blockading our coast; by destroying not only our vessels, but those of other states which approach us; by depriving us of a market for our produce; by preventing us from obtaining salt, gunpowder, and other necessaries of war, which to us are necessaries of life—by depriving us of hope.

But we are independent—we are at war—we are victors. The representative of the Emperor, who

CIRCASSIAN INDEPENDENCE.

195

numbers us in Europe as his slaves, who marks this country as his on the map, has lately opened communications with the Circassians—not to offer pardon for rebellion, but to bargain for the retreat of 20,000 men enveloped by our people, and to make arrangements for exchange of prisoners.

(In our next number, which will not appear till Saturday, the 2d of January, 1836, we will present to our readers a sketch of the state of Circassia, and of recent events in that country; without which they will be unable to appreciate the effect of this first indication of union among these people—of reliance on Europe; nor less important will be the effect which the sympathy of Europe will produce on them, and the encouragement they will receive from the indignation which cannot fail to be raised against *their* enemy, in consequence of her having to such a degreee made dupes of us.)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Европейским государствам

Жители Кавказа не только не являются поданными России, но даже не находятся с ней в мирных отношениях и на протяжении многих лет ведут с ней непрерывную войну. Эту войну они ведут собственными силами. Ни от одной из держав они никогда не получали какой-либо поддержки или помощи. Несмотря на то, что Порта главенствовала в этих провинциях, они были предоставлены сами себе в защите своих интересов, а позже Порта окончательно предала и покинула их. Один Паша открыл ворота Анапы перед золотом московитов, говоря, что русские пришли как друзья, чтобы помочь Султану против главарей-мятежников Арменистана. Другой Паша снова предал их и покинул страну под покровом ночи. С тех пор черкесы неоднократно направляли своих представителей Султану с целью засвидетельствовать свою преданность ему и попросить помощи. Однако им оказали холодный прием. Они также обращались к Персии, что тоже было безуспешным, и, в конце концов, к Мехмету Али, который хоть и оценил их преданность, был далек от того, чтобы оказать им поддержку.

Во всех этих случаях представителям Черкесии велено было встретиться с теми, кто, находясь на расстоянии, не знал, как невыносимо угнетение со стороны России, как враждебно она относится к их обычаям, вероисповеданию и их благополучию (иначе стали бы черкесы так долго воевать против нее?), как предательски действовали ее генералы и как жестоки ее солдаты, и передать им, что ни в чьих интересах уничтожение Черкесии. Напротив, в интересах всех оказать поддержку черкесам. Сотни тысяч московитских войск, задействованных ныне в борьбе с нами, слежке за нами и блокаде нас, впоследствии будут воевать с вами. Те сотни тысяч человек, что рассеяны сейчас по нашим бесплодным крутым скалам и ведут борьбу с нашими отважными горцами, завтра придут на ваши богатые равнины и поработят вас и ваших подданных. Наши горы являются бастионом для Персии и Турции. Без поддержки они станут воротами к обоим государствам, так как сейчас это единственное прикрытие для них. Это двери дома, только закрыв которые, можно защитить домашний очаг. Более того, наша кровь, черкесская кровь, течет в жилах самого Султана. Его мать, женщины его гарема – черкешенки. Его рабы – черкесы. Его министры и генералы – черкесы. Он является главой нашей религии и нашего

народа. Ему принадлежат наши сердца, и ему мы выражаем нашу преданность. Во имя всего того, что связывает нас, мы обращаемся к Султану за поддержкой и помощью, и, если он не хочет или не может защитить своих чад и своих поданных, пусть вспомнит он о Крымских ханах, чьи потомки находятся среди нас.

Эти слова должны были произнести наши представители, но они не были приняты во внимание. Этого бы не произошло, если бы Султан знал, сколько преданных ему сердец и мечей может перейти под его командование, как только он перестанет водить дружбу с Россией.

Мы знаем, что Россия не единственная держава в мире. Мы знаем, что есть державы могущественнее России, которые, несмотря на свое могущество, благосклонны к другим. Они наставляют несведущих, защищают слабых, они не являются друзьями России, а скорее являются ее врагами, и они не враги Султану, а его друзья. Мы знаем, что Англия и Франция имеют первенство среди государств мира и, что они были великими и могущественными еще тогда, когда русские приплывали в маленьких лодочках и просили у нас разрешения рыбачить в Азовском море.

Мы полагали, что Англия и Франция не проявят интереса к такому простому и бедному народу, как мы, но мы никогда не сомневались, что эти мудрые государства знают, что мы не относимся к русскому народу, и, что хотя мы неучены и у нас нет артиллерии, генералов, строгой воинской подготовки, кораблей и богатств, мы честный и мирный народ, если нас не трогать; и они знают, что мы ненавидим русских, имея на то веские причины и основания, и почти всегда побеждаем их в бою. Поэтому для нас было унижительным узнать, что на всех картах, публикуемых в Европе, наша земля обозначена как часть России; что должны были быть подписаны договора между Россией и Турцией, о которых мы ничего не знали, по которым Турция якобы передает русским тех воинов, которые заставляли дрожать Россию, и те горы, где никогда не ступала нога русских; что Россия заявляет Западу, что черкесы ее рабы или отъявленные бандиты и дикари, которых не может смягчить никакое доброе отношение и которых не может обуздать никакой закон.

Призывая в свидетели Небеса, мы выражаем официальный протест против таких «женских» ухищрений и лжи. Мы отвечаем словами на слова, и эти слова являются правдой против лжи: на протяжении 40 лет мы с помощью оружия яростно выражали протест против различных оговоров; эти чернила, как и пролитая нами кровь, свидетельствуют о нашей независимости; эти слова – доказательства людей, которые никогда не знали ничего выше решения, принятого своей страной, людей, не принимающих хитроумных доводов, но знающих, как применить свое оружие, когда русские появляются на их территории.

У кого есть право отдавать нас кому бы то ни было? Мы предложили свою верность Султану, но если он в мире с Россией, он не может принять ее, так как Черкесия находится в состоянии войны с ней. Наша верность является свободным волеизъявлением, он не может продать то, что не покупал.

Пусть такая великая нация, как Англия, к которой обращены наши взоры и протянуты наши руки, не думает о нас вообще, если это обернется для нас несправедливостью. Пусть она не внемлет уловкам России, раз она закрывает уши, чтобы не слышать мольбы черкесского народа. Пусть она, руководствуясь фактами, рассудит между людьми, которых называют дикими и варварами, и теми, кто клеветает на них.

Нас Четыре Миллиона, но, к сожалению, мы разделены на множество племен, различающихся языками и вероисповеданием. У нас разные обычаи, традиции, интересы, союзы и междоусобица. До сих пор у нас никогда не было единой цели, но у нас есть сложившиеся формы правления, командования и подчинения. Каждый отряд беспрекословно подчиняется главе, избранному в ходе войны. Наши князья и старейшины руководят согласно обычаям, принятым в той или иной местности, и имеют гораздо больший авторитет, чем великие державы вокруг нас. Однако из-за отсутствия у нас единого вождя, избранного из числа наших людей, мы господствовавшие здесь на востоке, всегда выбирали себе покровительство зарубежного лидера. Так, мы добровольно выбрали подчинение Крымским ханам, а затем султанам Константинополя.

Как только России удавалось завладеть частью нашей территории, она пыталась, и иногда ей это удавалось, свести наше положение до положения своих крепостных, вербовала в свою армию, заставляла нас потом и кровью обогащать ее, участвовать в войнах, которые она вела, поработавшая других, среди которых были даже и наши соотечественники, и братья по вере. Вследствие этого, между нами выросла стена ненависти, и не прекращается кровопролитие. Если бы это было не так, мы уже давно подчинились бы главе Московии.

Было бы длинной и печальной историей перечислять каждый акт ее жестокости, нарушенного ею доверия, не сдержанных обещаний; рассказать о том, как она окружала нашу землю со всех сторон; как отрезала нас от всего необходимого для существования; как препятствовала нашим торговым отношениям; как от рук ее наемных убийц гибли последние потомки наших древнейших родов, таким образом оставив нас без предводителей; как истребляла она целые племена и деревни; как подкупала предателей-агентов Порты; как довела нас до нищеты; как своими страшными деяниями поселила в наших сердцах гнев и ненависть по отношению ко всему миру, когда сама в это время ложью принизила нас в глазах христианских народов Европы.

Мы потеряли племена, собиравшие под своими знаменами сотни тысяч людей. Но сейчас мы наконец-то объединились как один в своей ненависти к России. За время этого долгого противостояния она подчинила только 200 000 наших людей, из оставшихся ни один добровольно не служил России. Было похищено много детей, а сыновья знатных людей были взяты в заложники, но те, кто мог, бежали. Среди нас есть те, кто был удостоен благосклонностью и всякими почестями Императора, однако этой благосклонности предпочел опасности своей страны. Среди нас есть тысячи русских, предпочитающих нашу дикость цивилизации своей страны. Россия построила укрепления на нашей территории, но она не осмеливается продвигаться дальше зоны действия ее орудий – 50 000 русских, недавно совершивших набег на наши территории, были разгромлены.

Страну завоевывают оружием, а не словами. Если Россия завоеует нас, то сделает она это не оружием, а перерезав наши коммуникации, и используя Турцию и Персию, как будто они уже принадлежат ей; она сделает непроходимыми морские пути, как если бы море принадлежало ей, она блокирует принадлежащее нам морское побережье, разрушит не только наши корабли, но и судна других государств, приближающихся к нашей земле, лишит нас рынка сбыта продукции, лишит нас возможности приобретать соль, порох и другие предметы, необходимые для ведения войны, которые являются для нас необходимыми для существования средствами, и таким образом, лишит нас надежды.

Но мы независимы, мы воюем, мы побеждаем. Представители Императора, представляющие нас в Европе как своих рабов и обозначающие нашу землю на карте как свою, недавно начали переговоры с Черкесией, но не для того, чтобы предложить помилование за мятеж, учиненный нами, а для того, чтобы вернуть 20 000 человек, захваченных нами, и договориться об обмене пленными.

(Пер. с англ. М.К. Шокуевой)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

The Portfolio, Or a Collection of State Papers, Illustrative of the History of Our Times. Vol. I. London: James Ridgway and Sons, Piccadilly. 1836. Pp. 187–195.

*Декларация черкесской независимости,
адресованная Дворам Европы*

Жители Кавказа не только не являются подданными России, но даже не состоят в мире с нею, и уже в течение многих лет ведут непрерывную войну с нею. Эту войну они ведут в одиночку. Они никогда не получали поддержки или помощи ни от какого государства. Хотя Порты обладала верховенством в этих областях, они были предоставлены сами себе в своей защите, а в последнее время Порты неоднократно предавала и бросала их при каждом случае. Один паша открыл ворота Анапы московитскому золоту, говоря черкесам, что русские пришли как друзья, чтобы поддержать султана против восставших вождей Арменистана. Другой паша снова предал их и оставил их страну за ночь. С тех пор черкесы неоднократно посылали депутации к султану, выражая преданность и прося помощи, однако их встречали холодно. Они также обращались к Персии с тем же успехом и, наконец, к Мехмету Али, который хотя и принял их преданность, но был далек от того, чтобы помочь им.

Во всех этих случаях представителям от Черкесии поручалось сказать тем, кто, будучи на расстоянии, не знал, как невыносимо давление России, как враждебна она к их обычаям, вере и счастью всех людей (иначе зачем бы черкесы так долго воевали против нее), как вероломны были ее генералы и жестоки ее солдаты, и что поэтому, ни в чьих интересах, чтобы черкесы были уничтожены. Напротив, в интересах всех – поддержать черкесов. Сотни тысяч московитских войск, занятые теперь тем, что сражаются с нами, или осаждают и блокируют нас, будут затем воевать с вами. Сотни тысяч людей разбросанные теперь по нашим бесплодным и крутым скалам, воюя с нашими отважными горцами, затем нахлынут на ваши богатые равнины и поработят ваших подданных и вас самих. Наши горы были оплотом Персии и Турции; без поддержки они могут стать воротами в обе эти страны, ибо сейчас они являются единственным прикрытием для них. Они служат дверью дома, и только заперев ее можно защитить его внутренние помещения. Но, более того, наша кровь, черкесская кровь, течет по венам султана.

Его мать – черкешенка; его гарем состоит из черкешенок. Его рабы – черкесы. Его министры и его генералы – черкесы. Он глава нашей веры, а также нашего народа; он владеет нашими сердцами, и мы приносим ему свою преданность. На основании всех этих уз мы требуем у него сочувствия и поддержки, и если он не захочет или не сможет защитить своих детей и подданных, то пусть подумает о крымских ханах, потомки которых находятся среди нас.

Таковы были слова, которые было поручено произносить нашим депутатам, но они не были приняты во внимание. Этого не случилось бы, если бы султан знал, как много сердец и мечей он мог иметь в своем распоряжении, если бы он перестал быть другом москвитов.

Мы знаем, что Россия не единственное государство в мире. Мы знаем, что есть другие державы более великие, чем Россия, которые, будучи достаточно могущественными, настроены благожелательно, которые просвещают невежественных, которые защищают слабых, которые не дружат с Россией, но скорее враждуют с нею, и которые являются не врагами султана, а его друзьями. Мы знаем, что Англия и Франция являются первыми среди наций на земле и были великими, могущественными уже тогда, когда русские на маленьких судах приходили к нам и получали у нас разрешения ловить рыбу в Азовском море.

Мы думали, что Англия и Франция не станут интересоваться таким простым и бедным народом, как мы, но мы не сомневаемся, что эти мудрые нации знают, что мы не русские и хотя мы мало знаем и не имеем артиллерии, генералов, дисциплины, кораблей или богатств, мы честный народ и мирный – когда нас не трогают, но что мы по всякой причине ненавидим русских и почти всегда бьем их. Вот почему, для нас было глубочайшим унижением узнать, что наша страна отмечена на всех европейских картах как часть России; что договоры, о которых мы ничего не знаем, подписаны Россией и Турцией, которая хочет передать русским этих воинов, от которых Россия трепещет, и эти горы, где никогда не ступала ее нога; что Россия говорит Западу о том, что черкесы являются ее рабами или неистовыми бандитами и дикарями, которых никакая доброта не может смягчить, и никакой закон не может обуздать.

Мы торжественно выражаем протест пред небесами против таких женских хитростей и обманов. Мы отвечаем словом на слово, и оно истинно против фальши: в течение сорока лет мы победно выступали против нападений с оружием в руках; эти чернила, как кровь, которую мы пролили, провозглашают нашу независимость; и здесь мы прилагаем печати людей, которые не признавали выше себя никого, кроме того, что решит наша страна, людей, которые не понимают утонченных аргументов, но которые знают, как использовать свое оружие, когда русские оказываются в пределах досягаемости.

Какая сила может изгнать нас отсюда? Наша верность предложена султану, но, если он в мире с Россией, он не может принять ее, так как Черкесия воюет с нею. Наша верность – это добровольное чувство; он не может продать ее, потому что он не покупал ее.

Пусть такая великая нация, как **Англия**, к которой обращены наши взоры и простерты наши руки, лучше не думает о нас вообще, если это будет несправедливо по отношению к нам. Пусть она не открывает свой слух хитростям русских, тогда как закрывает его перед мольбой черкесов. Пусть рассудит на основании фактов между народом, который называют диким и варварским, и его клеветником.

Нас четыре миллиона, но, к несчастью, мы разделены на множество племен, языков и вер; у нас разные обычаи, традиции, интересы, союзы и междуусобицы. У нас также никогда не было единой цели, но мы имели разновидности правительства и обыкновение подчинения и господства. Вождю, избираемому каждым племенем во время войны, безропотно подчиняются, и наши князья и старшие управляют соответственно обычаям каждой местности с большим авторитетом, чем в великих государствах вокруг нас; но поскольку у нас нет единого вождя, мы, господствуя на всем востоке, всегда избираем вождем чужеземца. Так мы добровольно подчинились власти крымских ханов, а затем султанам Константинополя.

Россия, когда она захватывала какую-либо часть нашей территории, а где-то ей это удалось, пыталась низвести нас до положения рабов, завербовать нас в свою армию, заставить нас проливать наш пот и нашу кровь для ее обогащения, воевать в ее битвах, поработать для нее других, даже наших соотечественников и единоверцев. Поэтому ненависть встала между нами, и кровопролитие не прекращается, иначе мы уже давно покорились бы главе Московии.

Длинным и печальным стал бы рассказ об актах ее жестокости, о ее вероломстве; о том, как она окружила нашу страну со всех сторон, отрезала нас от предметов, необходимых для жизни; как она прервала нашу торговлю; как она предала ножу наемных убийц последних потомков наших (правящих) домов и оставила нас без вождей, которым мы подчинялись; как она уничтожила целые племена и селения; как она подкупила предательских агентов Порты; как она довела нас до нищеты и породила в нас ненависть и раздражение против всего мира ужасами, которые она допустила, в то время, как своей ложью она унизила нас в глазах христианских наций Европы.

Мы потеряли племена, которые раньше могли собрать сотни тысяч воинов под своими знаменами, но мы наконец объединились все, как один, в ненависти к России; только 200 000 человек из нашего народа подчинены ей в этой долгой схватке; из оставшихся ни один не служил России добровольно. Много детей было похищено, а сыновья знати

были взяты в заложники, но помня о своей родине при первой же возможности они совершают побег.

Среди нас есть люди, которые пользовались благосклонностью, уважением и ласками императора, но которые предпочли этой благосклонности опасности их родной страны. Среди нас есть тысячи русских, которые предпочли наше варварство цивилизации их страны. Россия построила крепости на нашей земле, но они не обеспечивают безопасности дальше, чем достигают их орудия; 50000 русских недавно втрое вступили к нам, и они были побиты.

Только оружием, а не словами может быть покорена эта страна. Если Россия покорит нас, то сделает она это не оружием, а перерезая наши коммуникации и используя Турцию и Персию так, как будто они уже принадлежат ей; закрыв море для прохода, как будто оно уже принадлежит ей; установив блокаду нашего побережья; уничтожая не только наши суда, но и идущие к нам суда других государств; лишая нас рынка для нашей продукции; не давая нам получать соль, порох и другие военные припасы, которые для нас представляют жизненную необходимость, (словом) – лишая нас надежды.

Но мы независимы, мы воюем, мы побеждаем. Император (России) представляет нас перед Европой как своих рабов, отмечает на карте нашу страну как свою, а его представитель недавно начал переговоры с черкесами, но не для того, чтобы предложить нам помилование за мятеж как своим восставшим подданным, а для того, чтобы вывести отсюда 20000 человек, окруженных нашими людьми, и уговориться насчет обмена пленными.

(Пер. с англ. А.Х. Борова)

Декларация независимости

«Население Кавказа, не поддаваясь России (царизму – К.Д.) и имея от нее покоя, многие годы ведет с ней постоянную войну. Войну эту ведет оно своими собственными силами. Оно никогда не получало помощи от кого-либо. Когда-то султан, как духовный глава мусульман, имел власть в наших провинциях, но потом жители берега черного моря, верившие в него, были оставлены без помощи... В дальнейшем Порта также каждый раз предавала и оставляла их. Один паша открыл ворота Анапы московскому золоту, говоря черкесам, что Россия идет... как вдруг, другой паша снова предал их... Черкесы вновь послали делегацию к султану... Они были приняты, но холодно. Они обращались также к Персии, но с еще меньшим успехом, и наконец, к Магомет Али (наместнику Египта – К.Д.), который, хотя и оценил их преданность, но был также далек помочь им... Нам невыносимо угнетение России, так как она враждебно относится к обычаям, чести и счастью всего народа. Иначе, почему бы черкесы так долго воевали против России?.. Предательски поступают ее генералы и жестоки ее солдаты... Никто не имел бы пользы от того, если бы черкесы были уничтожены. Наоборот, в интересах всех поддерживать нас. Сотни тысяч московских войск находятся на нашей земле, воюя с нами, или преследуя и блокируя нас, принуждают воевать с ними. Сотни тысяч людей рассеяны на наших землях и крутых скалах, и... желают опустошить наши богатые равнины и поработить наш край и нас самих. Наши горы являются защитой для Персии и Турции, которые не оказывая нам помощи, хотят эти горы сделать воротами, являющимися единственным прикрытием для обеих. Мы знаем, что Россия не является единственной силой на свете. Мы знаем, что существуют иные государства, которые сильнее России и которые, хотя могущественны, являются милостливыми..., которые покровительствуют слабым, которые не являются друзьями России, а скорее ее врагами, которые не являются врагами султана, но его друзьями. Мы знаем, что Англия и Франция являются первыми среди народов мира и были большими и могущественными еще в то время, когда Россия пришла в маленькой лодке и получила от нас разрешение ловить рыбу в Азовском море... Мы не сомневаемся, что такие умные народы знают, что мы не являемся русскими, и, хотя мы... не имели артиллерии, генералов, строгой воинской организованности, флота и богатства, все же являемся честным и миролюбивым народом, и что мы ненави-

дим Россию из-за нашего правого дела и всегда бьемся с ней. Для нас является огромным унижением, когда мы узнаем, что на картах, печатаемых в Европе, наша страна отмечается как часть России. Трактаты, о которых мы ничего не знаем и которые подписывались между Россией и Турцией, отдают русским воинам, заставляющих Россию трепетать, и горы, где русская нога никогда не ступала. Россия утверждает на Западе, что черкесы являются ее невольниками и дикими грабителями или же просто дикими, которых доброта не может смягчить, а нормы закона удержать. Мы протестуем во имя Бога против такой лжи... 40 лет мы боремся открыто против обвинений нашим оружием и отстаиваем свою независимость. Доказательством этого является проливаемая нами кровь. Мы не желаем чужого господства и спасаем свою страну...

Да не будет могущественнее нации, чем Англия, к которой обращены наши взоры и протянуты наши руки и которая может помочь нам, когда мы подвергаемся несправедливости. Пусть не открываются ее уши на хитрость русских, когда они будут стараться заглушать просьбу черкесов...

Мы имеем форму правления (демократическую – К.Д.) и свойства покоряться закону. Вождь на время войны выбирался всеми и ему беспрекословно послушны... Россия пыталась всякий раз, когда она одолевала, разделить на части нашу территорию и содействовала тому, чтобы принудить нас к условию крепостничества. Она вносила нас в список своей армии, желая усилить себя за счет нашего пота и крови; она заставляла воевать нас в своих рядах и поработать других – даже наших собственных соотечественников и единомышленников...

Было бы длинной и печальной историей рассказывать его ужасные поступки, преследование веры, лживые обещания. Россия окружила наш край со всех сторон, отрезая нас от жизненно необходимой связи с иными государствами; она прерывала нашу торговлю; она принуждает нас ложиться под нож и подкупает или уничтожает отдельные части наших родов; она уничтожает и истребляет целые племена и деревни (аулы)...; она обрекает нас на нищету и, благодаря недостойным приемам, старается вызвать против нас негодование целого света – своей ложью старается очернить нас в глазах христианских народов Европы.

Мы потеряли в борьбе много людей, которые могли бы составить армию в многие сотни тысяч воинов. Но мы, наконец, объединены все как один...

Правда, мы имеем некоторое количество людей, которых император приближает к себе, льстя им, и которые предпочитают ласку императора, рискуя свободой своей родины, но это нас не страшит. Россия строит мосты и форты на нашей территории, но она не смеет выйти из своих укреплений. Недавно 50000 русских солдат сделали набег в наши пределы, но были разбиты.

Только оружием, но не словами покоряются страны. Если Россия и покорит нас, то не оружием, а тем, что отрежет нам пути сообщения, сделает море непроходимым из-за блокады берегов; уничтожит не только наши суда, но и суда иных держав, которые приходят к нам, лишит нас рынков для нашей продукции, воспрепятствует нам в получении соли, пороха и других необходимых предметов в войне и в нашей жизни. Но мы все еще независимы, мы воюем и побеждаем...

Кто имеет силу, чтобы освободить нас?»¹.

Трахо Р. «Черкесы» (Черкесы Северного Кавказа). Нальчик, 1992. С. 50–51.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

«Жители Кавказа, вместо того, чтобы являться подданными России, даже не находятся в мире с ней. В течение многих лет они находились в состоянии войны с ней, и эту войну кавказцы вели в одиночестве. Никогда они не получали ни одобрения, ни помощи от какой-либо державы.

В то время как Турция укрепляла свое главенство над этими областями, те были предоставлены самим себе в их собственной защите, а позже она их предала и бросила.

Один паша открыл врата Анапы в обмен на русское золото, заставив поверить черкесов, что русские прибыли в качестве друзей, чтобы помочь султану в борьбе против мятежных вождей Армении. Другой паша также предал их, ночью покинув их край. С того времени черкесы неоднократно отправляли миссии своих представителей к султану, чтобы засвидетельствовать свою преданность и попросить помощи, но они были холодно встречены.

Черкесы также взывали безуспешно к Персии и, наконец, к Мехмету Али-паше (хидиву Египта), который, вполне оценивая их безграничную верность, был слишком далек от них, чтобы им помочь.

Во всех случаях посланцы Черкесии имели в качестве наказа сообщить тем, кто находился далеко и не знал, до какой степени притеснения России были невыносимы, какой значительной была ее враждебность по отношению к обычаям, вере и благополучию всех людей (иначе почему черкесы столь долго сражались против нее?), до какой степени ее генералы были предателями и в какой степени дикими были ее солдаты. Они должны бы подчеркнуть, что никому не выгодно, чтобы черкесский народ был истреблен. Что, напротив, всем выгодно оказать помощь черкесам.

Сотня тысяч русских солдат, ныне занятых тем, что сражаются против нас или наблюдают за нами и устраивают блокаду, затем будут воевать против вас. Сотни тысяч человек, ныне рассеянных в наших бесплодных краях, посреди наших голых скал, сражаясь против наших отважных горцев, затем захватят силой ваши богатые долины, и они превратят вас и ваши семьи в рабов.

До сих пор наши горы были крепостными стенами Ирана и Турции, и если мы не будем получать помощи, они превратятся во врата этих двух стран. Эти врата дома, которые оставались запертыми, позволяют защищать всю землю.

Кроме того, наша кровь, черкесская кровь, течет в венах султана. Черкесами являются его рабы. Черкесами являются его министры и

генералы. Султан – владыка нашей веры и вождь нашего народа, и он владеет нашими душами. Мы одарим его своим верноподданничеством, и в соответствии со всеми этими узами мы просим его о помощи и поддержке, и если он того не желает или не может защитить своих детей и подданных, пусть вспомнит о ханах Крыма, чьи потомки ныне живут среди нас.

Таковыми были слова, которые наши посланцы имели предписание сообщить, но к ним отнеслись с пренебрежением. Этого не случилось бы, если бы султан знал, сколько сердец и сколько сабель он мог бы получить под свое командование, если бы перестал быть другом московитов.

Мы знаем, что Россия не является единственной державой в мире. Мы знаем, что существуют другие страны, более сильные, чем Россия, которые, не будучи очень большими, являются более доброжелательными, готовые просвещать незнающих и защищать слабых. В то же время они считают себя скорее врагами, чем друзьями русских и, наоборот, выражают дружественные отношения к султану. Известно, что Англия и Франция в числе самых передовых народов мира и что они были могущественными во времена, когда русские прибыли на маленьких судах и получили от нас разрешение ловить рыбу в Азовском море.

Полагаем, что Англия и Франция не проявят никакого интереса к такому маленькому и бедному народу, как наш; но мы не сомневаемся, что столь мудрые народы хорошо знают, что мы не русские, и хотя наши знания ограничены, ни кораблей, ни богатств, мы являемся честным и миролюбивым народом, когда нас оставляют в покое.

Между тем с глубоким чувством оскорбления мы узнали, что наша страна очерчена на всех картах, опубликованных в Европе, как часть России. Договоры же, нам известные, подписаны между Турцией и Россией, которые намерены открыто отдать России этих воинов, заставлявших в свое время, как и их горцы, трепетать Московию при каждой попытке вступить ногой на нашу землю.

Россия заявляет Западу, что черкесы ее подданные и, что по сути они бандиты и дикари, которых не может смягчить никакой акт милосердия, и что они не способны жить по нормам закона. Мы выражаем клятвенно и публично свое несогласие перед лицом неба с подобными уловками и подобной ложью. На слова мы ответили словами, но здесь речь идет о правде против лжи. В течение 40 лет мы протестовали против таких обвинений с помощью оружия. Проливаемая нами кровь обеспечивает нашу независимость, представляющую печать людей, которые никогда не мирились ни с какой иной властью за исключением власти тех, кто родом из их страны.

Кто тогда в состоянии отдать нас кому-то другому! Мы предлагаем свои верноподданнические чувства султану, но если он заключил мир с

Россией, он не может их принять, так как черкесы находятся с ней в состоянии войны. Наше верноподданничество является безвозмездным даром, султан не может его продать, поскольку он его не купил.

Такая большая страна, как Англия, к которой обращен наш взор и к которой протянуты наши руки, не должна за нас думать, если не намерена причинить нам несправедливость. Она не должна раскрывать уши, чтобы слушать уловки и обман русских, в то время как она закрывает их перед мольбами черкесов. Нас четыре миллиона, но к несчастью, мы разделены на многочисленные племена с разными языками разнообразными верованиями. У нас отличные друг от друга обычаи и традиции, союзы и неприязни.

До настоящего времени у нас никогда не было общей цели, но у нас были особые формы правления и привычки повиновения, и командования. На войне мы строго подчиняемся командирам, избранным каждым отрядом, а наши князья и старейшины правят, следуя обычаям каждой местности, обладая самой большой властью, чего нет в каком-либо крупном государстве вокруг нас. Между тем из-за отсутствия среди нас общего вождя мы выбрали иноземного лидера. Так, например, мы добровольно покорились крымскому хану, а позже султану Константинополя.

Когда Россия частично овладела нашей территорией (иногда ей это удавалось), она стремилась использовать кавказцев в качестве воинов, заставляя их проливать кровь ради ее обогащения и покорения других народов, даже наших самых близких соотечественников и наших братьев по вере. Такое обстоятельство усиливало ненависть горцев к России, и продолжалось кровопролитие. В противном случае мы уже давно могли покориться московской власти.

Мы потеряли наши дворянские роды, которые прежде могли собрать сотни тысяч человек под свои знамена, но сейчас мы наконец объединились, как один человек, в противостоянии к России.

Лишь двести тысяч человек из нашего народа были покорены ими в течение этой долгой борьбы, среди которых ни один добровольно не служил России.

Многие дети были увезены из своих родных мест, а сыновья князей наших взяты в заложники, но, как вспоминают в нашем крае, им удалось бежать. Среди нас есть люди, которым император покровительствовал, угождал и одаривал, но многие из них предпочитали этим милостям трудное и опасное положение своей страны. На нашей стороне тысячи русских, выбравших наше варварство в противовес цивилизации России.

Русские построили на нашей территории ряд укреплений, однако они не осмеливаются высунуться за пределы досягаемости своих пушек. Наша страна может быть завоевана не переговорами, а силой

оружия. Если Россия и покорит нас, она сможет это сделать не с помощью оружия, а перерезав наши коммуникации, используя при этом Османскую империю и Иран, будто они принадлежат ей.

Для достижения своей цели Россия будет блокировать наши берега и уничтожать не только наши суда, но и корабли других стран, которые попытаются приблизиться к кавказскому побережью. Таким образом, русские войска лишат нас рынка реализации наших товаров, препятствуя нам получать такие жизненно необходимые товары, как соль, порох и другие и в конце концов оставляя нас наедине с нашими надеждами.

Но мы – независимый народ. Мы находимся в состоянии войны с Россией, и мы победим. Наместник императора на Кавказе, декларирующий Европе, что мы подданные России и демонстрирующий на карте, что Кавказ является частью России, вышел с нами на контакт не для того, чтобы принести свои извинения, а для того, чтобы освободить 20-тыс. войско, окруженное нашими воинами»²⁰.

Бэрэддж У.Н. «ИЗГНАНИЕ ЧЕРКЕСОВ: Причины и последствия». Нальчик, 2012. С. 39–43.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Декларация независимости черкесии

«Жители Кавказа не являются подданными России и даже не состоят в мире с нею, но уже в течение многих лет втянуты в войну с нею. Эту войну они ведут без посторонней помощи. Они никогда не получали помощи или поддержки ни от какого государства. В то время, как султан, как духовный глава магометанства, осуществляет свое верховенство в этих областях, жители побережья Черного моря, исповедующие эту веру, предоставлены сами себе в своей защите, и за последнее время Порты неоднократно предавала их и оставляла их без помощи. Один паша открыл ворота Анапы московитскому золоту, говоря черкесам, что русские пришли как друзья, чтобы поддержать султана против восставших вождей Армениястана. Другой паша снова предал их и бросил их страну за одну ночь. С тех пор черкесы неоднократно посылали депутации к султану, выражая преданность и прося помощи, однако их встречали холодно. С таким же успехом они обращались к Персии и, наконец, к Мехмету Али, который принял их преданность, но отказал в помощи.

Во всех этих случаях депутатам от Черкесии поручалось сказать тем, кто, будучи на расстоянии, не знал, как тяжело давление России, как враждебна она к их обычаям, вере и счастью всех людей – иначе зачем бы черкесы так долго воевали против нее? – как вероломны были ее генералы и жестокости ее солдаты, – что это ни в чьих интересах, чтобы черкесы были уничтожены. Напротив, это в интересах всех – поддержать черкесов. Сотни тысяч московитских войск заняты войной против нас, карауля и блокируя нас, чтобы затем воевать с вами. Сотни тысяч людей рассеяны по нашим бесплодным землям и крутым скалам, которые воюют с нашими отважными горцами, чтобы затем заполнить ваши богатые равнины и поработить ваших подданных и вас самих. Наши горы были оплотом Персии и Турции; без поддержки они могут стать воротами в обе эти страны, ибо сейчас они только прикрытие для них. Они являются дверью в дом, закрыв которую можно защитить только одно сердце. Но, более того, наша кровь, черкесская кровь, течет по венам султана. Его мать – черкешенка; его гарем состоит из черкешенок; его рабы черкесы; его министры и генералы – черкесы. Он вождь нашей веры, а также нашего народа; он владеет нашими сердцами, и мы предлагаем ему свою приверженность. Всеми этими связями мы требуем у него сочувствия и поддержки, и если он не захочет

или не сможет защитить своих детей и подданных, то пусть подумает о крымских ханах, потомки которых находятся среди нас.

Таковы были слова наших депутатов, как им было поручено говорить, но они не были услышаны. Но так не было бы, если бы султан знал, как много сердец и мечей он мог возглавить, если бы он перестал быть другом москвитов.

Мы знаем, что Россия не единственное государство в мире. Мы знаем, что есть государства более великие, чем Россия, которые, будучи достаточно могущественными, настроены благожелательно, которые просвещают невежественных, которые защищают слабых, которые не дружат с Россией, но скорее враждуют с нею, и которые являются не врагами, а друзьями султана. Мы знаем, что Англия и Франция являются первыми нациями на земном шаре, и были великими и могущественными еще тогда, когда русские в маленьких лодках пришли к нам и попросили у нас разрешения ловить рыбу в Азовском море. Мы думали, что Англия и Франция нисколько не интересуются таким простым и бедным народом, как мы, но мы не сомневаемся, что эти мудрые нации знают, что мы не русские, и, хотя мы плохо обучены и не имеем артиллерии, генералов, дисциплины, кораблей или богатств, что мы честный и мирный народ, когда нас не трогают, но что мы по веской причине ненавидим русских, почти всегда бьем их. Далее, мы с бесконечным оскорблением узнали, что наша страна отмечена на всех европейских картах как часть России; что договоры, о которых мы ничего не знаем, подписаны Россией и Турцией, которая хочет передать русским этих воинов, от которых Россия трепещет, и эти горы, где никогда не ступала ее нога; что Россия говорит Западу о том, что черкесы являются ее рабами или дикими бандитами и дикарями, к которым не может быть проявлено снисхождение, и никакой закон не может их обуздать.

Мы торжественно выражаем протест пред небесами против таких бабьих хитростей и обманов. Мы отвечаем словом на слово, и оно истинно против фальши. В течение 40 лет мы победно выступали против нападений с оружием в руках; эти чернила, как кровь, которую мы пролили, провозглашают нашу независимость; и здесь мы прилагаем печати людей, которые не знают ничего более высокого, чем решение их страны, людей, которые не понимают утонченных аргументов, но которые знают, как использовать свое оружие, когда русские приходят со своей протянутой рукой. Какая сила может изгнать нас отсюда? Наша верность предложена султану, но если он в мире с Россией, он не может принять ее, так как Черкесия воюет с нею. Наша верность – это добровольное чувство; он не может продать ее, потому что он не покупал ее.

Пусть такая великая нация, как Англия, к которой обращены наши взоры и простерты наши руки, не думает о нас вообще, если мы несправедливы. Пусть она не открывает свой слух хитростям русских, пока

она не закрывает его от мольбы черкесов. Пусть она судит по делам о народе, который называют диким и варварским, и о его клеветниках.

Нас 4000000, но, к несчастью, мы разделены на множество племен, языков и вер; у нас разные обычаи, традиции, интересы, союзы и раздоры. У нас также никогда не было единой цели, но мы имели подобие правительства и обычай подчинения и командования. Вождь, избираемый каждым племенем во время войны, обладает всеми полномочиями, и наши князья и старшие управляют соответственно обычаям каждой местности с большим авторитетом, чем в великих государствах вокруг нас; но поскольку у нас нет единого вождя, мы, правя на всем востоке, всегда избираем вождем чужеземца. Так мы добровольно подчинились господству крымских ханов, а затем султану Константинополя, как вождям нашей веры.

Россия, когда она захватывала часть нашей территории и где-то одерживала верх, пыталась низвести нас на положение рабов, завербовать нас в свою армию, заставить нас проливать наш пот и нашу кровь для ее обогащения, воевать вместо нее, поработать ей других, даже наших соотечественников и единоверцев. Поэтому между нами выросла ненависть, и кровопролитие не прекращается, иначе мы уже давно были бы покорены московитским вождем.

Было бы печальной и долгой историей рассказывать вам о ее жестокости, нарушениях ею клятв и обещаний; как она окружила нашу страну со всех сторон, отрезав нас от предметов, необходимых для жизни; как она прервала нашу торговлю; как она предала ножу наемных убийц последние остатки наших домов и оставила нас без вождей, которыми мы бы подчинились; как она уничтожает целые племена и селения; как она подкупила вероломных агентов Порты; как она привела нас к нищете и загнала нас к ненависти и раздражению против всего мира ужасами, которые она допустила, в то время, как своей ложью она опозорила нас в глазах христианских наций Европы.

Мы потеряли племена, которые раньше могли собрать сотни тысяч воинов под своими знаменами, но мы наконец объединились все как один в ненависти к России; 200000 человек только из нашего народа подчинены ей в этой долгой схватке; из оставшихся ни один не служит России добровольно. Много детей было похищено, а дети знати были взяты заложниками, но при первой же возможности они бегут в свою страну. Среди нас есть люди, которые пользовались благосклонностью, уважением и ласками императора, но которые предпочли этой благосклонности опасности их родной страны. Среди нас есть тысячи русских, которые предпочли наше варварство цивилизации их страны. Россия построила крепости на нашей земле, но они не обеспечивают безопасности дальше, чем достигают их ружья; 50000 русских недавно втроелись к нам, и они были побиты.

Только оружием, а не словами, может быть захвачена эта страна. Если Россия покорит нас, то сделает она это не оружием, а пресечением наших коммуникаций и использованием Турции и Персии так, как будто они уже принадлежат ей; сделав море непроходимым, как будто оно уже принадлежит ей; блокадой нашего побережья; уничтожением не только наших судов, но и судов тех государств, которые приходят к нам; отвращением нас от рынка необходимой нам продукции; запрещением нам получать соль, порох и другие военные припасы, которые необходимы нам для жизни; лишением нас надежды.

Но мы независимы, мы воюем, мы побеждаем. Представитель императора, который представляет нас Европе как своих рабов, который отмечает на карте нашу страну как свою, недавно открыл коммуникации с черкесами, но не для прекращения восстания, а для того, чтобы вывести отсюда 20000 человек, захваченных нашими людьми, и уговориться насчет обмена пленными».

(Пер. с англ. В.М. Аталикова; см. журн. Живая старина. Нальчик, 1992. № 2. С. 20–23)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

**КЪУЭХЪЭПЭМ ШЫПСЭУ ЛЬЭПКЪХЭМ ЯХУЭГЪЭЗА
АДЫГЭ ШХЪЭХУИТЫНЫГЪЭМ И ДЖЭПСАЛЪЭ**

Кавказым шыпсэхэм Урысейм и цыхуу зыкълъытгэжыныр кышчыгэнауэ абы илгэс Іэджэ лъандэрэ зауэ драггэкӀуэкӀ. ЗэрыдраггэкӀуэкӀри шхъэзакъуэ гуащӀэкӀэщ. Зы къэралыгъуэ гуэри абыхэм шӀэггэкъуэни, дӀэпыкъуэгъуи зэикӀ къахуэлъуакъым. Уэсмэн пащтыхьыгъуэр мы щыналгэм шытепща пэтми, мыбдеж шыпсэхэм захъумэжыныр езыхэм я пщэ кыдэхужт. Уеблэмэ, иужьрей зэманхэм Уэсмэн пащтыхьыгъуэр мыбыхэм зэкъым-тӀэкъым къазерепщыжар, игъуэджэ хъу къэси утыкурынэ зэрищӀар. Зи нэр Мэзкуум и дыщэ плъыжкы кышхӀэрипхъуа пашэм Быгъуркъалэ урысым хуит яхуищӀыгъуэу шытащ, ахэр пащтыхьым и ІупэфӀэгъуш, абы зыкъыптӀэзыса ермэлы дзезешэхэм езуэну къэкӀуахэу аращ жиӀэри. НэгъуэщӀ зы пашэи къебзэджэкӀщ адыгэхэми, зы жэщым и кӀуэцӀкӀэ я Хэкум икӀыжыгъат. Абы иужь бжыгъэрэ пащтыхьым деж адыгэхэм лыкӀуэ хуаггэкӀуэгъат, зэрыхуэпэжыр жралэну, и дӀэпыкъуныгыи табушхӀэщкӀи шӀэлъӀэну. АршхӀэкӀэ абыхэм шӀыӀэ-щӀыӀэуш къазерыпекъуэкӀар. Къэжэрми зэи-тӀои [лъӀуекӀэ] зыхуаггэзат, ауэ абыи кыикӀа шӀыӀэкъым. ИкӀэм-икӀэжым, [Мысрокъуэ] Мэмэталий дежи нэсащ. Абыи [адыгэм] я шыпкъагъэр гунэс шхъуа пэтми, ядӀӀэпыкъуну аркъудей игу къэкӀтэкъым.

Сыт шыгъуи адыгэ лыкӀуэхэм мо тпӀӀэщӀэгъухэм, Урысейм и бжыи бзаджэм ушӀӀэтыныр зыхуэдэр зымышӀӀэхэм, я хабзэ, я фӀӀэщхъуныгъэ, зэкӀэ цыху гъӀэкъыу шыӀэм я шыӀэныгъэи бий кӀӀуфӀыцӀу зэрышчытыр (армырамэ сыт шхӀэкӀэ апхуэдизрэ япӀӀӀэтынт абы адыгэхэр), и дзэпщхэр зэрытхӀэггӀыш, и зауэлхэр зэрыгушӀӀэгъуншэр, абы кыыхэкӀыуи адыгэр зэтраукӀэным зыми ифӀӀ зэрыхэмылгыр жаӀэн хуейт. Хэбгъэзыхэмэ – адыгэм зыкъышӀаггэкъуэныр псоми я шхъэпэ зыхӀэӀ Іуэхуш.

Дэ кыдзэзуэн нэхъ хъэкъ зимыӀэ икӀи кӀэ имыӀэу шэмплаул кыдзэздз урысыдзэ мылгытэр иужькӀэ зэбгъэрыкӀуэнур фӀраш. Цыху минишӀэ бжыггэхэр ди къурш шхъэ шӀӀанэ задэхэм ипхъауэ итщ ди бгырыс шышхӀэмыггэзэхэм езауэу, иужькӀэ фи шӀыгу бэвылгэхэм къызэрыгуэнурэ фи жылэри фӀери шчылышӀӀэ фраггэуэвэнущ. Ди къуршхэр Къэжэрымрэ Тыркумрэ фи къэрэгъул бжыхът; ахэр зыхъумэн шымыӀэмэ, нэгъуэщӀ шапӀӀудз хъун шӀыӀэхэкъыми, къэралыгъуитри гъунапкъэкъутэ хъунущ. Ди

кѳуршхэр [кѳэралыгѳуйтІымкІэ] унэбжэ хъэзырщ, умыгъэбыдэмэ, жьэгѳу пащхъэ мафІэри пфІэкІуэсэнущ.

Абы шыфІэкІыжауэ, дилъщ, адыгэльщ, уэсмэн пащтыхьым щІэтыр. И анэр – адыгэщ, хъэрэмми щІэсым нэхьыбэр адыгэ бзылхугъэщ. И унэлутхэри адыгэщ. И уазирхэмрэ пашэхэмрэ [нэхьыбэр] адыгэщ. Езыр ди дингѳуазэщ, гурэ псэкІи детауэ дыхуэшчыпкъэщ. Апхуэдиз пыщІэныгъэм я цІэкІэ гущІэгѳу къытхуищІу зыкъытщІигъэкъуэну зыхудогъазэ. И бын пэлытэхэмрэ и цІыхуэхэмрэ къащчыжыну хуэмеймэ, къан ІыхьэкІэ къытхэт кърым хъанхэм я бынхэм щІрегупсыс.

Арат ди лЫкІуэхэм жаІэну пщэрыль щащІар, ауэ зыми хьымпІар ящыхуакъым. Мыпхуэдэу къэхъуну къыщІэкІынтэкъым пащтыхьым щыпкъагъэрэ ІэщэкІэ къыкъуэувэнур зыхуэдизыр ищІатэмэ, урысхэми яхущІэплъу щымытатэмэ.

ДощІэ, Урысейм и закъуэкъым къэрал и цІэу дунейм тетыр. Дыщыгѳуазэщ Урысейм куэдкІэ елъэщэкІ хэгъэгухэр зэрыщылэм. Зэрылгъэщым имызакъуэу гуапагъэ яхэлъу, жэхылыр яущійрэ дэхуэхам щІэгъэкъуэн яхуэхъуу, Урысейр ямыгъэныбжъэгъуу, и жагъуэгъушчы жыпІэмэ, ар нэхъ захуэу, уэсмэн пащтыхьыри Іумпей ямыщІу, атІэ я ІуптэфІэгъуу щыту. ДощІэ урысыр иджыри кхъуафэжъейм ису кыдэсылІэрэ Мыутхуэхэ деж бдзэжъей щещэнэу кыдэлгъэлуу щыщытам Инджылызымрэ Франджымрэ зызыужа къэралхэм ящыщу дуней унафэр зэрахъэу зэрыщытари.

КъытфІэщІт Инджылызымрэ Франджымрэ дэ тхуэдэ лгъэпкъ цІыкІу тхэмыщкІэхэр зыуи къащчымыхъуну, ауэ зэикІ пшэч кытетхьакъым а лгъэпкъ Іушхэм дызэрымыурысыр зэращІэм. Топыдзэ жыхуалэр зедмыгъакІуэми, дзэрэ дзэпщкІэ дыкызыэмыгъэпэщами, кхъухьыдзэ димылэми, мылкъушхуэ дбгъэдэмылми, Іэщэр ягъэдалгъэу къытхэмыхъэмэ, дылгъэпкъ захуэщ, дымамырщІэкъу лгъэпкъщ; урысыр тІагъуу щІэмыхъум и щхъэусыгъуэр абыхэм ящІэ, зауэзэрылІ къэхъуауи дащытемыкІуэ щІагъуи кыхэкІкъым. Аращ Къухъэлпэм щылэ къэралхэм я хъэритэхэм ди Хэкур Урысейм щыщ щІыналгъэ хуэдэу зэритхьар, Урысейр зыгъээджыздж ди зауэлхэмрэ урысым и лгъэ зытемыува ди кѳуршхэмрэ абы Тьркум къриту жиІэу ди нэщІыбагъкІэ зэгурылуэныгъэ зэращІылэу а тхылым Урысеймрэ Тьркумрэ я Іэпэ зэрыщІалгъар, адыгэр Урысейм дрипщыллу, дылЫукІрэ хьэкІэхъуэкІэу, дигу шабэ зыщІыни, дыкызыгъэлэсэн хабзи щымыІэу дызэриІуэтар кыщытщІам икІагъэ кыдахауэ кыщІэтлгъытар.

Мы уафэм и щІагъ дыщІэгѳу ди фІэгѳу жыдоІэ апхуэдэ хъуагъэщагъэхэмрэ пщы зэфэзэщымрэ кызырэдымщІгэр. Псалгэм псалгэкІэ дыподжэжри, жытІэр пэжщ: Іэщэ иІыгъуу кытхыхьам илгъэс 40 мэхъури дыпэщІэтщ; мы фІыщІагъэри, лгъуэ дгъэжам хуэдэ

къабзэу, ди щхьэхуитыныгъэм и шэсыпIэ йоувэ, мы тхылъым зи Iэпэрэ мыхъуррэ щIэзылхьахэри Хэку унафэм и щхьэкIэ кIуэуэ нэгъуэщI унафэрэ псалъэрэ къэзмыштахэмрэ емыувэлIахэмрэщ, урысыр гъунэгъу къыщыхъукIэ я Iэшэр зэрагъэбзэну щыкIэр зэрагъэзахуэ нэхькIэ псалъэ дыгъэл зи цIэ зымышцIэ цыхухэрщ.

Хэт хуитыр ди щыгум дрехуну? Пащтыхьым гурэ псэкIэ зетта щхьэкIэ, Урысейр и ныбжьэгумэ, ди пэжагыр абы къищтэфынукъым – Адыгэ Хэкур Урысейм йозауэр. Ди пэжагыр гущIэ лъащIэм къыщожьэ, къызэрымщтэхуам къыхэкIыуи, ар абы хуэщэнукъым.

Захуагъэ зыхэмылъ Iуэху къытлгыкыуэкIыжынымэ, дигу-ди щхьэ зыхуэгъэза Инджылыз хэгъэгущуэри къытщIремыгупсыс. Адыгэм ди лъэлур зэхимыхынымэ, Урысейр зыхуекIуэ хилаггэхэми зремыгъэубыд. Iэлрэ мыгъасэу жыхуалэ лъэпкъымрэ ар пщыгтелхьэпIэ зыщIхэмрэ я унафэр икIэщыпIэкIэ пэжым тету хей ирещIэ.

МелуанипIа дохъу, ауэ, ди мыгъуагъэщи, ллакъуэ-лакъуэкIэрэ, бзэкIэ, динкIэ дыгуэшащ. Хабзэрэ бзыпхьэхэмкIэ дызэтехуэкъым, зыр зым е и пэщIэшIэгъущ, е и IупэфIэгъущ. Зы гуращэ дызэдимыIэу нобэм дыкъэсащ, ауэ Хасэ диIэщ, унафэ къэштэкIэми унафэ гъээщIэкIэми дыхуэхейкъым. Зауэ щыхъукIэ, жылэр фIэкIыпIэншэу зыхуэжыIэшIэр дзэпщу хахаращ; ди хъуреягъкIэ къыщыс къэралышхуэхэр къехъуэпсэнэу щыпIэ-щыпIэкIэрэ зи Iэ диль пщыхэмрэ тхьэмадэхэмрэ куэдкIэ нэхъ пщIэрэ щхьэрэ яIэу унафэр зэрахьэ. Ауэ дызэзышэлIэн, дызэзыгъэдэлун Гъуазэ диIэкъыми, зэры-КъуэкIыпIэу дыщытепщэ пэтми, хамэщI къикIар Папшэ дощI. Аращ къызыхэкIар япэ кърым хъанхэм, итIанэ Истамбыл дэс пащтыхьым я жыIэм деувэлIэныр.

Урысейм ди щыгум щыщ кIапэ щиубыдкIэ, апхуэдэ къыщыхъуи щыIэт, занщIэу пщылыпIэм дызэрыригъэувэнум хущIэкъурт, дэ тщыщхэр и дзэм ириджэрт, дилгэрэ пщIантIэпскIэ хъугъуэфIэгъуэхэр къыфыщIырт, зауэу иригъэкIуэкIхэм дыхишэурэ нэгъуэщI лъэпкъхэр къызыхудиггээурт, абыхэм ди лъэпкъэгъурэ динэгъурэ къащыхэхуи къыхэкIыу. Аращ ди зэхуаку лъагъумыхъуныгъэ мыужьыхыр къыдзэзылхьари, щIэчэ зимылэж лыгъажэми дыхэзыдзари; нэгъуэщI зыпуэрурэ къекIуэкIатэмэ, куэд щIаггэнт урысыпщым жыIэщIэ дызэрыхуэхурэ.

Пхуэлэуэтэщынкъым езы Урысейм и тхьэггэщыггэмрэ зэрихьэ гущIэгъуншаггэмрэ я гугъур къебгъэжъамэ, жбы IурыггэхьантIэ къыдимыту ди Хэкур къызэриухъуреихьар, ди сату щIапIэхэм удын бзаджэ зэрытридзар, жылакIи къыхуамыгганэу гъуазэрэ дзэзешэу дызыщыгугъ ди лъэпкъыжхэр и лыукIхэм зэралэщIэкIуэдар, лъэпкъ

псохэр зэрызэтриуклар, кьуажэхэр зэригьэклуэдар, Истамбылым и бзэгухь-жасухэр ахьшэкIэ кьызэригьэулар, тхэмышцкIапIэм дызэрыришар, бзаджащIагьэу зэрихьэм дунейжым гужь зэрыхудигьэщIар... Абы щыгьуэмиезым КьухьэпIэм щыпсэучыристан лъэпкьхэм я пащхэ псалгэ пцIылуэпцIышхэмкIэ дыщигьэулыит...

Бэракьыр щалэткIэ цIыху минищэхэр кьезышэлэфу щыга лъэпкь куэд диIэжкьым. Ауэ, икIэм-икIэжым, Урысейм худилэ лъагьумыхьуныгьэм зылI и быну дызэкьуйгьэуващ. Мы зауэр зэрежьэрэ нобэр кьыздэсым ди лъэпкь и бынкIэ цIыху мин 200 хуэдиз кьигьэдIуэфаш абы; кьэнам щыщу Урысейм езыр хуейуэ зы нэрыбгэми кьулыкьу хуищIакьым. Ди сабий куэд гьэр ищIыгьат [Урысейм], ди пщы-уэркьхэм я бын анэмэгу ищтэгьат, арщхьэкIэ Iэмал зэрагьуэгу щалгьуха Хэкур зыщымыгьупщэхэр кьэклуэсэжхэрт.

Урыс пащтыхьым и гулгьэтэрэ и нэфIрэ зылгьэлэсахэр кьытхэтщ, ауэ адэжь лъахэм кьыщхьэрыхьа шынагуэм а псор пагьэтIылыфаш. Урысым ящыщу цIыху минхэри кьытхэтщ, кьызыхьэхьукIа я псэукIэр ди щыIэкIэ «кьызэрыкIуэм» пагьэтIылыфауэ. Урысейм ди щыналгьэм быдапIэхэр ирешьыхь, арщхьэкIэ я Iэщэ кьихьым нэхьыбэкIэ кIуэтэфкьым – куэд щIакьым урыс дзэклуэлI мин 50 кьызэрыттеуэрэ, кьанэ щIагьуэ щымыIэу зэхэткьутащ.

Кьэралыр Iэщэщ кьызэразуэр, псалгьэкIэжым. Урысейм нобэ дищтэми, Iэщэкьым дызэрызэлэщIилгьхьэнур, атIэ кIуапIэ-хэкIыпIэу диIэхэм кьытетIысхьэкIэрэщ, зэрищынури Тыркумрэ Кьэжэрымрэ кьыгьапцIэкIэрэщ, псышхуэ гьуэгур эппиупщIкIэрэщ, хы Iуфэм екIуэлIапIэ кьыдимыткIэрэщ, ди кхьухьхэм кьадэклуэу нэгьуэщI щыпIэ кьикIхэри зэтригьасхьэкIэрэщ, ди сатур имыгьэклуатэкIэрэщ, шыгьу, гын, нэгьуэщI дызыхуеину-дызыщыщIэнухэр кьытIэрымь-гьыхьэкIэрэщ, зы псалгьэкIэ жыпIэнумэ – гутгьапIэншэ дищIкIэрэщ.

Ауэ, дауэ мыхьуами, дэ дьлэпкь щхьэхуитщ, дозауэр, дытоклуэр. Урысей пащтыхьым дрипщылI хуэдэу КьухьэпIэм щызыгьэхьыбар, ди щыгур а кьэралым щыщ хуэдэу хьэритэхэм изытхьэ и лыкIуэхэм иджы дьдэ Адыгэ Хэкум зыкьытхуагьэзат – дазэрыпэщIэувам щхьэкIэ гьэгьуныгьэ кьытхуахьу кьэклуауэ аракьым, атIэ гьэру ди деж щыIэ урыс дзэклуэлI мин 20-р зэрытхашыжыным, лъэныкьуйтIми гьэру яубыдахэмкIэ дызэрызэхьуэжэным дризэгурылуэн щхьэкIэщ.

АдыгэбзэкIэ зэыдзэкIар Табыц Муратиц

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Письмо Давида Уркхарта к черкесам. *Жанбек Хавжоко*. Журнал «Северный Кавказ». 1935 г. № 10 // Историко-культурологический онлайн журнал «PROMETHEUS». № 15. URL: <http://ru.scribd.com/doc/50989765/>

*Письмо Давида Уркхарта к черкесам. Жанбек Хавжоко.
Из архива Горской эмиграции*

В предыдущих номерах нашего журнала мы уже неоднократно говорили о взаимоотношениях Англии и Северного Кавказа в прошлом столетии, во времена трагических десятилетий т.н. Кавказской войны. При этом мы всегда проводили резкую границу между политикой официальной Англии и работой частных лиц, которые в той или иной форме проявляли интерес и симпатии к проводимой Северным Кавказом жертвенной борьбе за свою независимость. До сих пор, благодаря имеющимся под рукой материалам, нам удалось довольно исчерпывающе определить первый момент: политику Английского правительства в эти решающие для Северного Кавказа годы. Но, зато, скудность данных не позволила нам с достаточной полнотой осветить второй момент: самоотверженную работу частных кругов английского общества, благодаря которой, собственно, кавказский вопрос стал одним из актуальных вопросов тогдашней международной политики.

И этот пробел мы намерены несколько пополнить публикуемым ниже письмом знаменитого черкесофила (в широком значении этого слова) того времени – Давида Уркхарта, который до конца дней своей жизни был горячим защитником независимости Северного Кавказа на международной арене.

Письмо это замечательно во многих отношениях и выявляет во всей полноте широту политических горизонтов его автора.

Из письма мы видим, что уже сто лет тому назад (письмо было выслано в 1835 г.), когда северо-кавказские племена, еще полусознательно, входили всего лишь в первичную стадию своей консолидации в нацию, Уркхарт понял громадную роль этого процесса в деле борьбы Сев. Кавказа за независимость. Подчеркивая неоднократно на протяжении своего письма этот процесс, как факт уже совершившийся (например: «и, таким образом, вы будете удовлетворены, читая вместе одни и те самые слова от Черного моря до Каспийского и слыша себя названными одним общим именем –

черкесы или вы теперь чувствуете, что не являетесь отдельными племенами, но что имеете свою страну и начинаете разбираться в том, в чем вы были неустроены»... и т.д.), Уркхарт, учитывая его значение, хочет, как бы, еще более активизировать его, сделать более быстрым.

Во-вторых, не являются тайной для Уркхарта и национальные противоречия, разъедающие и в те времена организм неестественно разбухшей России. В народах, борющихся за освобождение от русского ига, он видит естественных союзников горцев – черкесов. Союзников он видит и в странах Ближнего Востока, для которых русская опасность никогда не перестанет быть актуальной.

Наконец, Уркхарт далек и от демагогических обещаний в помощь Англии – момент, который был, подчеркиваем нами, и в прежних очерках, посвященных Уркхарту и англосеверо-кавказским взаимоотношениям. Силу для сопротивления Северный Кавказ, согласно Уркхарта, должен черпать, главным образом, в собственной консолидации, а также среди «внутренних врагов» России, которые стремятся освободиться из под ее владычества. Отмечает он при этом, ссылаясь на пример Польши, и шаткость международных гарантий, которые и сто лет тому назад не отличались твердостью и не могли служить реальной базой для осуществления национальных требований.

Текст письма следующий:

Я не ответил до сих пор своевременно на всевозможные известия, которые я получил в разные времена (от вас) письмами или через делегации из разных провинций. В ожидании утешительных новостей от вас, я не хотел этого делать до тех пор, пока не буду в состоянии сказать вам что-нибудь такое, что соответствовало бы моему желанию и силе (возможности) оказать вам помощь в доказательство доверия, которое вы мне оказали.

Но я боюсь, что мое долгое отсутствие и молчание, если будут продолжаемы и в дальнейшем, могут задержать развитие в вашей памяти новых чувств, и я учитываю вашу жажду к известиям, которые, надеюсь, в непродолжительном времени сделают вас народом и нацией, уважающим себя и уважаемым другими (разбивка всюду наша – Ж.Х.).

Вы долго слышали об Англии. За последнее время вы много думали об Англии. Теперь вы получите письмо из Англии; пусть оно дойдет до каждой провинции – пусть муллы, беи и старейшие соберут народ, прочтут и объяснят содержание, и, таким образом, вы будете удовлетворены, читая вместе одни и те самые слова от Черного моря до Каспийского и слыша себя названными одним общим именем – **черкесы**.

Я неоднократно предупреждал вас о том, чтобы вы не были введены в заблуждение, ожидая помощь от Англии. Англия не воюет с Россией

и поэтому не может поддерживать никаких военных действий, направленных против России. Когда я прибыл в ваш край и увидел своими собственными глазами, что вы не принадлежите России, я увидел также, что все распространяемые о вас слухи Россией являются ложью, и был озлоблен теми действиями, которыми Россия руководствуется по отношению к вам, и ложью, которую она руководствуется по отношению к нам.

Но если Россия пользовалась неправдой по отношению к Англии, это было доказательством того, что она боится правды и что потому, именно, использовала в отношении Англии ложь; поэтому вывод Англии из заблуждения относительно вашего действительного положения наложит на Россию те последствия, которых она боится, а вам даст те преимущества, которых она вас лишила своим лживым освещением дела. Но как сказал я выше, (Англия) не ведет войны с Россией и поэтому не может вам оказать помощи, какую вы до сих пор ожидали и предвидели. Поэтому я должен объяснить вам, что я понимаю под помощью, какую вы можете ожидать от Англии. На это я прошу особенного вашего внимания, так как необоснованные надежды являются не менее опасными, чем необоснованные тревога и боязнь.

Когда Англия узнает, что вы не являетесь подданными России, и когда она поймет, что Россия посылает войска против вас (бесправно), она спросит русского императора: «Кто ты такой, чтобы объявлять войну и заключать мирные договоры без ведома и согласия великих держав Европы?» Это обстоятельство ослабит силы России. И когда Англия узнает о том, что Россия (несмотря на предупреждение) начинает войну с нами, не беспокоя ее (Россию), Англия спросит себя: «Почему Россия расходует так много крови и средств? Это не может быть направлено только против Черкесии; надо полагать, что она намеревается покорить страны, лежащие за Кавказом – как Персию и Турцию. Мы не должны позволить получить ей Черкесию».

Правда, русский император имеет большую территорию, но вы знаете (также), что он не имеет и нескольких ярдов в Черкесии. Он, правда, имеет многочисленное войско, но можете ли вы (в состоянии ли вы) сосчитать кости его солдат, рассеянные вокруг ваших гор?! Помимо этого, он говорит всей Европе, что Черкесия принадлежит ему, а вам говорит, что Европа его. Он поэтому хвалится и лжет; но храбрый человек не хвалится, а сильный не прибегает ко лжи.

Он имеет миллионы подданных, но не имеет ли он миллионов врагов? Не есть ли каждая граница (империи) покрыта врагами?! И чем являются они (враги) по сравнению с теми (врагами), которые находятся внутри России?!

С другой стороны, вы знаете, что Англия правит морями, что она может, если пожелает обратить Севастополь в дым и пепел в течение трех

часов и не оставить русского флага на Черном море в течение одной недели. Думаете ли вы, что русский император решился бы на что-нибудь такое, что он, согласно постановлению Англии, не должен был делать?

Подумайте над этими вещами, и тогда вы поймете, почему Россия представляет вас (Европе) в ложном свете. Как много она приобрела благодаря Своей лжи о вас. Как много она потеряет, и в конечном итоге приобретете вы, когда Англия узнает правду. Правда, может случиться, что истина останется неизвестной полностью. Может случиться, что Англия никогда не скажет России: «Ты должна прекратить войну с Черкесией», но нет сомнения в том, что с того времени, как ваше имя произносится в Европе, – даже больше, с момента, как один англичанин высадился на ваших берегах и узнал важные тайны России, страх перед тем, что может случиться, вошел в тайные учреждения русского правительства, и этот случай парализовал ее (России) усилия и усилил ваши руки, пробуждая ваши надежды и объединяя ваши сердца.

Но эти ожидания не могут быть реализованы до тех пор, пока вы не провозгласите при помощи публичного акта факт, который до сего времени был скрытый перед Европой; вашу независимость, и пока вы не имеете для регулирования ваших домашних дел и для объединения ваших сил общего правительства и не представитесь Европе в том виде, который соответствует вашим рыцарским действиям, и этим не дадите возможность вашим друзьям в Европе признаться в дружбе с вами.

И поэтому, если (возможная) правдивая оценка Англией вашего действительного положения, открывает перед вами благоприятные перспективы, пусть даже не близкие, на то, что силы Англии могут стать сдерживающим началом (тормозом) для вашего врага, это должно ускорить (в настоящее время) развитие ваших идей и того объединения, отсутствие которого, больше чем русские, было вашим врагом.

Я горд, говоря, что эти ожидания уже осуществились, по крайней мере, в такой степени, чтобы доказать вам, кем вы можете быть. Вы теперь чувствуете, что не являетесь отдельными племенами, но что имеете (свою) страну и начинаете разбираться в том, в чем вы были неустроены. Это является первым шагом вперед и основным шагом по пути достижений.

Но эти большие и важные выводы не являются только следствием надежд на Европу после того, как она узнает о нас и заинтересуется вашими судьбами. Имеется ещё и польский народ, временно покоренный, национальное существование которого было гарантировано публичным актом Европы, – этот народ чувствует свою судьбу неразрывно связанной с нашей. 20.000 поляков в русской армии, борющиеся с вами, узнают, что их оружие направлено против братьев. Оттоманская империя, которая недооценила вас и не оправдала ваших надежд, узнает от Европы,

что вы являлись и являетесь ее защитниками. И тогда, когда взоры лезгин, кабардинцев, осетин, чеченцев, черкесов и абазы будут обращены в первый раз на Англию, здесь, в одном пункте, они встретятся с взорами поляков, турок и персиян и всех тех, кто терпит несправедливость или боится агрессии со стороны (упомянутого) общего врага. Таким образом, вы также дадите в распоряжение Англии силу, благодаря которой Англия одним словом может лишить Россию возможности причинять несправедливость кому-либо.

«Но когда наше имя станет известным в Англии и ясность ее глаз обратится к нам?» – можете спросить вы.

Можно уверить вас в том, что может не пройти и нескольких месяцев, как тень силы английской может пасть на воды ваших морей. И когда Англия повернет свое лицо к Востоку, не останутся ли ее взоры на Эльбрусе?! Когда Англия восстанет против русских насилий и несправедливостей, может ли она не найти в своей груди сочувствия для Черкесии?! Если ее вмешательство будет вызвано заботами о спасении Турции и Персии, не будет ли она приветствовать и бойцов на Кавказе?!

Таким образом, когда ее взоры обратятся туда (на Восток), то ее гнев возрастет и симпатии пробудятся и она осознает свои заблуждения относительно прошлого вашего государства и узнает о новом периоде вашего, уже национального, существования, в который вы вошли. Тогда, когда на новый лад будет произноситься имя Черкесии, когда прежняя независимость Кавказа будет провозглашена, – Черкесия будет приветствуема как звезда, которая взошла на Востоке.

Мне нет необходимости говорить вам – боритесь храбро, но я просил бы вас побольше думать. Плодотворные мысли, которые будут распространяться из селения в селение, из провинции в провинцию, будут нести с собой и разбрасывать семена, которые, придет день, созреют и дадут вам не только национальную независимость, но и национальное преуспеяние, величие и возрождение.

*Дауд.
Этим утверждением закончил 100 лет тому назад
свое письмо Давид Уркхарт.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

«ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕРКЕССКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	5–18
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	5
«Черкесский узел» Восточного вопроса	6
Черкесское сопротивление и Дэвид Уркарт	9
«Декларация черкесской независимости»: происхождение	12
«Декларация черкесской независимости»: анализ текста	15
ВЫВОДЫ	19
ЛИТЕРАТУРА	21
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1	23
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	34
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3	38
ПРИЛОЖЕНИЕ № 4	42
ПРИЛОЖЕНИЕ № 5	45
ПРИЛОЖЕНИЕ № 6	49
ПРИЛОЖЕНИЕ № 7	53
ПРИЛОЖЕНИЕ № 8	57

Научное издание

Дзамихов Касболат Фицевич
Dzamikhov Kasbolat Fitsevich

ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ:
«ДЕКЛАРАЦИЯ ЧЕРКЕССКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ»

FROM THE DOCUMENTARY HISTORY
OF THE CAUCASIAN WAR:
«DECLARATION OF CIRCASSIANS INDEPENDENCE»

Художественный редактор
И.Х. Кушова

Корректор
З.В. Черкесова

Компьютерная верстка
и техническое редактирование
И.Х. Кушовой

Подписано в печать 26.09.2014 г. Формат 60x84 ¹/₁₆. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 3,6. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 09

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Institute of Humanities Research of KBSC of the Russian Academy of Sciences
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
e-mail: kbigj@mail.ru

Лицензия ИД № 040940 от 04.02.1999

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии издательства КБНЦ РАН

Адрес типографии: 360000, г. Нальчик, ул. И. Арманд, 37 «а».
Тел. (8662) 42–65–42